

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ВОЕННАЯ ТАЙНА

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Аркадий Петрович Гайдар

Военная тайна

Серия «Родительское собрание»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69300037
Военная тайна. / Гайдар А.П.: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-868-8*

Аннотация

Аркадий Гайдар создал собственный мир в детской литературе. В нём всегда есть место подвигу. Подлинному подвигу – ведь писатель не дрогнул, отдавая свою жизнь за Родину в 1941 году. В этой книге собраны повести и рассказы, которые будут интересны детям и взрослым.

Палитра Гайдара – от сказки до автобиографии. А суть – романтика героизма, жизни во имя Родины, во имя людей. И об этом он писал без налета официоза. Искренне и увлекательно.

Содержание

Аркадий Гайдар. Армейская сказка	5
Военная тайна	15
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Аркадий Гайдар

Военная тайна

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© ООО «Издательство Родина», 2023

Аркадий Гайдар. Армейская сказка

Сказка и начинается, и умолкает неожиданно. Особенно – армейская сказка, звучащая на привале, байка, которая потом оборачивается легендой. Аркадий Гайдар – быть может, самый простой из самых сложных русских писателей советской эпохи. На него можно смотреть как плакат в кабинете «военно-патриотического воспитания» – но это досадное упрощение.

Военная биография Гайдара – сравнительно краткая – сама превратилась в народный сказ. Аркадий Голиков пытался убежать на фронт еще совсем мальчишкой – на Германскую войну, совсем как его будущие герои. Наконец, в декабре 1918 года, в 14 лет записался в Красную армию. Летом 1919-го – ему вверили роту, затем – батальон. С 17 лет командовал полком «по борьбе с бандитизмом» – об этом часто вспоминают. Воевал краском Гайдар с полным сознанием того, что отступить ему некуда. Эмиграцию он приравнивал к побегу и считал для себя невозможной. Но вскоре – к концу 1922 года – сражаться стало невмоготу. Он ушел в литературу. И некоторые сюжетные повороты его первой автобиографической повести «В дни поражений и побед» (он писал ее в 1923 – 1924-м) потом повторялись во многих повестях Гайдара.

Дед автора «Тимура и его команды», Исидор Данилович,

был крепостным князей Голицыных. Голик – это метла, голица – кожаная рукавица. Понятия не родственные, но фамилии вышли созвучные. Так часто бывало: крепостным присваивали прозвища, схожие с громкими фамилиями помещиков.

Аркадий Гайдар

Другой дед – Аркадий Сальков – потомственный дворянин и офицер, состоявший в дальнем родстве (через прапрадедов) с самим Лермонтовым. Он не хотел отдавать дочь за безродного и небогатого учителя – и поженились они без отцовского благословения. Зато по любви. Сына, в знак примирения, назвали в честь старика – Аркадием. Петр и Наталья, родители писателя, были убежденными народниками, как и многие учителя того времени. В таком духе они воспитывали сына.

Ему досталась героическая и страшная юность. Аркадий Голиков искал бури и сражался с белыми. Он – в меру своего еще детского опыта – был искренним приверженцем революции и защищал ее идеалы с оружием в руках. Воевал в Красной Армии и отец писателя. Несправедливо, недобро рассуждал о Гайдаре Владимир Солоухин. Гайдар в его интерпретации оказался чуть ли не главным адептом красного террора. Это неправда. Ни палачом, ни карателем Гайдар не был. Он стрелял, и в него стреляли.

Потом настало время сомнений. Усталый, опустошенный солдат искал себя. Здоровье не позволяло продолжать военную службу. Сказывались ранения, цинга и перенесенное нервное истощение. Красного командира переполняли впечатления, воспоминания, в том числе тяжелые, болезненные. «Я ушел в армию совсем еще мальчиком, когда у меня, кро-

ме порыва, не было ничего твердого и определенного. И, уходя, я унес с собой частицу твоего миропонимания и старался приложить его к жизни, где мог», – писал Аркадий отцу. Его спасла литература. По легенде, сам наркомвоенмор Михаил Фрунзе посоветовал молодому отставнику заняться писательством: так изящно и убедительно был составлен служебный рапорт Голикова.

Возникло новое литературное имя – Гайдар. Сам Аркадий Петрович никому и никогда не раскрывал тайну своего псевдонима. Но у русского детского писателя Николая Вагнера была «Сказка о принце Гайдаре», хорошо известная школьникам начала XX века. Философская история о том, как благородный юноша оставил королевские покои и комфорт, поскольку царица Гудана попросила его узнать, что такое есть «великое». Он странствовал по свету один, встречал многих людей с их горестями и бедами и научился им сострадать. Образ, близкий автору «Военной тайны».

Так писать для детей может только человек необыкновенный. Вечный странник, так никогда и не повзрослевший и в то же время повзрослевший до срока. Он сначала создавал вокруг себя сказку, жил в ней, а потом записывал ее, если находил мелодию, без которой слова не выстраиваются в прозу. Так появился «Мальчиш-Кибальчиш», которого почти каждый из нас помнил наизусть – по крайней мере, близко к тексту. Часть повести «Военная тайна». О пионерах, об Артеке, о военных приключениях. Очень правдивая и чи-

стая повесть о предвоенном времени, которую Аркадий Петрович начал писать в 1932 году, а выпустил в свет в 1935-м. Повесть о людях, которые без показухи готовы к подвигу. Гайдару принадлежат слова: «Пусть потом когда-нибудь люди думают, что вот жили люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом деле они готовили краснозвёздную крепкую гвардию». И главное – в этой повести есть тайна жизни, без которой любой подвиг остался бы бессмысленным. Родину приходится защищать каждый день. Но – без лишней патетики, сквозь шутки и обаятельные житейские неурядицы.

Маршак называл его всесоюзным вожатым. Гайдар действительно не только писал, но и возился с детьми, ощущал себя ответственным за них «в государственном масштабе». Пионерские традиции в те годы только складывались. В начале тридцатых красный галстук еще был редкостью, к нему относились как к уникальной привилегии. Да и пионерлагерей не хватало... На всех хватало только Гайдара. Он брал не дидактикой – это было бы скучно. Он предлагал своим читателям включиться в игру. Сочинять сказки, помогать людям, разгадывать тайны, соревноваться...

Сохранилось множество мемуаров, свидетельствующих о том, как писатель затевал военные игры – вместе с детьми штурмовал снежные крепости, устраивал стрельбы и почти самые настоящие походы. В его восприятии лучшее воспитание – подготовка честного бойца, а любая хорошая песня

– солдатская. Дети это хорошо понимали. Да и сейчас понимают. Волшебство его книг не развеялось по ветру.

В начале 1941 года в сокольническом санатории состоялась их встреча с Зоей Космодемьянской. Они – не только единомышленники, но и родственные души, и их имена стоят рядом в летописи Великой Отечественной. Вдумаемся, ни одна страна, ни один народ не оказал массового сопротивления гитлеровской агрессии. Только читатели «Военной тайны» бились «от темной ночи до светлой зари», не щадили себя. Ничуть не удивительно, что в личных вещах погибших красноармейцев находили книги Гайдара. С ним было легче стоять насмерть.

Гайдар умел мыслить парадоксально. Однажды он ответил на анкетный вопрос: «Что ты любишь больше всего?» Получилось неординарно: «Путешествовать вдвоем. Чтобы считали командиром. Быстро передвигаться. Остричь с людьми без вреда для них. Тайную любовь к женщине (свою, чтобы объект не знал)». А в трудную минуту в его дневнике появилась такая запись: «Снились люди, убитые мной в детстве». Все это создавало глубокий подтекст книг Гайдара.

Этот непростой человек слагал героические трагедии, но иногда создавал и идиллии – они тоже необходимы в детстве. «Чук и Гек» – самая настоящая рождественская, а точнее, новогодняя сказка. Смутные тайны, игрушечные тревоги, веселое познание мира – во многом подсознательное. И все завершается новогодним застольем. Гайдар научил нас

воспринимать этот праздник как нечто и личное, и государственное: «Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы. И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море». Такие сюжеты объединяли страну прочнее конституций.

Герои Гайдара – люди необыкновенные, преображенные, люди завтрашнего дня. Это советские д'Артаньяны – бесхитростные и бескорыстные по сравнению с гасконцем, но столь же смелые и буйные. Таких ребят он встречал в «пионерской республике» – в Артеке. Многие из них встанут в строй в 1941-м.

Гайдар войну и любил, и ненавидел. Для писателя это самое хваткое чувство, диалектическое, противоречивое. Бывало, его обвиняли в «пионерском милитаризме», а он в начале войны предостерегал своих юных читателей от безрассудного участия в сражениях: жалел их жизни. Да, Гайдар неизменно с подчеркнутым уважением писал о командирах, сам всегда готов был встать в строй, но народное озлобление гражданской войны из сердца не вычеркнешь, как и случайные пули, обрывавшие жизни боевых друзей, которым бы землю пахать.

Как писать военные повести после Льва Толстого, после Александра Куприна, которых Аркадий Голиков любил еще в юности? Для Гайдара важнее всего была даже не «окопная правда», а музыка прозы. Именно музыка! Он

вслух произносил каждую фразу, прислушивался к ней – и отбрасывал фальшивые ноты. Написанное и наговоренное нравилось ему нечасто, поэтому писал Гайдар сравнительно мало, не ставил на конвейер ни повести о гражданской войне, ни рассказы о современных пионерах, ни – тем более – притчи и сказки, самый трудный и загадочный жанр. В его строках можно расслышать и грустные марши, и барабанную дробь атаки, и городские романсы, и фарсовые пляски, и строй долгой народной баллады. Гайдаровская проза ритмична, она напоминает фольклорные старины, напевы сказителей, «былинников речистых», о которых в те годы вся страна бойко пела на слова Анатолия Д'Актиля и на музыку братьев Покрасс.

...Писатель не обманул своих читателей. Он рвался на войну и погиб 1942 года, неподалеку от Белой Церкви, погиб как герой. А литературная судьба Аркадия Гайдара сложилась счастливо. Он рано ушел, а его герои, и в их строю – Бумбараш – оказались бессмертными. То, что к его книгам равнодушны режиссеры, композиторы, актеры – совсем не удивительно.

Певучие, так легко бежавшие на пули, бесшабашные гайдаровские бойцы пришли из фольклора и ушли в сказку, в которой, как известно, всё происходит слишком всерьёз.

Многие его наброски предвоенных лет были связаны с кино – и вышли на экраны уже после гибели автора. Последняя сказка Гайдара – притча «Горячий камень» – разрешает все

сомнения. Жизнь не изменить – и пускай все остается, как было и как есть. В этом высшее, неразменное счастье исполненного долга. Писатель, известный всей стране, честно погиб как боец и коммунист. Но в мае 1945 года в Берлине, на стене Рейхстага появилась надпись: «Гайдара нет – тимуровцы в Берлине!»

Его книги и сегодня не потеряли обаяния, а в чем-то даже стали ближе и актуальнее для нас. Остался литературный мир одного из главных писателей XX века – русских, советских. Когда будет трудно – эти повести помогут вам. Почаще открывайте Гайдара!

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Военная тайна

А. ГАЙДАР

Войенная тайна

1935

ОГИЗ / ДЕТГИЗ

Из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной. Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде.

Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника – Шегалова.

– Дядя, – крикнула опечаленная Натка, – я в Москве!.. Ну да: я, Натка. Дядя, поезд уходит в пять, и мне очень, очень жаль, что я так и не смогу тебя увидеть.

В ответ, очевидно, Натку выругали, потому что она быстро затараторила свои оправдания. Но потом сказали ей что-то такое, отчего она сразу обрадовалась и заулыбалась.

Выбравшись из телефонной будки, комсомолка Натка поправила синюю косынку и вскинула на плечи не очень-то тугой походный мешок.

Ждать ей пришлось недолго. Вскоре рявкнул гудок, у подъезда вокзала остановилась машина, и крепкий старик с орденом распахнул перед Наткой дверцу.

– И что за горячка? – выбранил он Натку. – Ну, поехала бы завтра. А то «дядя», «жалко»... «поезд в пять часов»...

– Дядя, – виновато и весело заговорила Натка, – хорошо тебе – «завтра». А я и так на трое суток опоздала. То в горкоме сказали: «завтра», то вдруг мать попросила: «завтра». А тут еще поезд на два часа... Ты уже много раз был в Крыму да на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил и на аэропла-

не летал. Я однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники. А я нигде, ни на чем, никуда и ни разу. Тебе сколько лет? Уже больше пятидесяти, а мне восемнадцать. А ты – «завтра» да «завтра»...

– Ой, Натка! – почти испуганно ответил Шегалов, сбитый ее бестолковым, шумным натиском. – Ой, Натка, и до чего же ты на мою Маруську похожа!

– А ты постарел, дядя, – продолжала Натка. – Я тебя еще знаешь каким помню? В черной папаше. Сбоку у тебя длинная блестящая сабля. Шпоры: грох, грох. Ты откуда к нам приезжал? У тебя рука была прострелена. Вот однажды ты лег спать, а я и еще одна девочка – Верка – потихоньку вытащили твою саблю, спрятались за печку и рассматриваем. А мать увидела нас да хворостиной. Мы – реветь. Ты проснулся и спрашиваешь у матери: «Отчего это, Даша, девчонки ревут?» – «Да они, проклятые, твою саблю вытащили. Того гляди, сломают». А ты засмеялся: «Эх, Даша, плохая бы у меня была сабля, если бы ее такие девчонки сломать могли. Не трогай их, пусть смотрят». Ты помнишь это, дядя?

– Нет, не помню, Натка, – улыбнулся Шегалов. – Давно это было. Еще в девятнадцатом. Я тогда из-под Бессарабии приезжал.

Машина медленно продвигалась по Мясницкой. Был час, когда люди возвращались с работы. Неумолчно гремели грузовики и трамваи. Но все это нравилось Натке – и людской поток, и пыльные желтые автобусы, и звенящие трамваи, ко-

которые то сходились, то разбегались своими путанными дорогами к каким-то далеким и неизвестным ей окраинам: к Дангауэровке, к Дорогомилловке, к Сокольникам, к Тюфелевой и Марьиной рощам и еще и еще куда-то.

И когда, свернув с тесной Мясницкой к Земляному валу, шофер увеличил скорость так, что машина с легким, упругим жужжанием понеслась по асфальтовой мостовой, широкой и серой, как туго растянутое суконное одеяло, Натка сдернула синий платок, чтобы ветер сильнее бил в лицо и трепал, как хочет, черные волосы.

В ожидании поезда они расположились на тенистой террасе вокзального буфета. Отсюда были видны железнодорожные пути, яркие семафоры и крутые асфальтовые платформы, по которым спешили люди на дачные поезда.

Здесь Шегалов заказал два обеда, бутылку пива и мороженое.

– Дядя, – задумчиво сказала Натка, – три года тому назад я говорила тебе, что хочу быть летчиком или капитаном морского парохода. А вот случилось так, что послали меня сначала в совпартшколу, – учись, говорят, в совпартшколе, – а теперь послали на пионерработу: иди, говорят, и работай.

Натка отодвинула тарелку, взяла блюдечко с розовым,

быстро тающим мороженым и посмотрела на Шегалова так, как будто она ожидала ответа на заданный вопрос.

Но Шегалов выпил стакан пива, вытер ладонью жесткие усы и ждал, что скажет она дальше.

– И послали на пионерработу, – упрямо повторила Натка. – Летчики летят своими путями. Пароходы плывут своими морями. Верка – это та самая, с которой мы вытащили твою саблю, – через два года будет инженером. А я сижу на пионерработе и не знаю – почему.

– Ты не любишь свою работу? – осторожно спросил Шегалов. – Не любишь или не справляешься?

– Не люблю, – созналась Натка. – Я и сама, дядя, знаю, что нужная и важная... Все это я знаю сама. Но мне кажется, что я не на своем месте. Не понимаешь? Ну вот, например: когда грянула гражданская война, взяли бы тогда тебя и сказали: не трогайте, Шегалов, винтовку, оставьте саблю и поезжайте в такую-то школу и учите там ребят грамматике и арифметике. Ты бы что?

– Из меня грамматик плохой бы тогда вышел, – насторожившись, отшутился Шегалов. Он помолчал, вспомнил и, улыбнувшись, сказал: – А вот однажды сняли меня с отряда, отозвали с фронта. И целых три месяца в самую горячку считал я вагоны с овсом и сеном, отправлял мешки с мукой, грузил бочонки с капустой. И отряд мой давно уже разбили. И вперед наши давно уже прорвались. И назад наших давно уже шарахнули. А я все хожу, считаю, вешаю, отправляю,

чтобы точнее, чтобы больше, чтобы лучше. Это как, по-твоему?

Шегалов глянул в лицо нахмурившейся Натки и добродушно переспросил:

– Ты не справляешься? Так давай, дочка, подучись, подтянись. Я и сам раньше кислую капусту только в солдатских щах ложкой хлебал. А потом пошла и капуста вагонами, и табак, и селедка. Два эшелона полудохлой скотины и те сберег, выкормил, выправил. Приехали с фронта из шестнадцатой армии приемщики. Глядят – скотина ровная, гладкая. «Господи, – говорят, – да неужели же это нам такое привалило? А у нас полки на одной картошке сидят, усталые, отошальные». Помню, один беспокойный комиссар так и норовит, так и норовит со мной поцеловаться.

Тут Шегалов остановился и серьезно посмотрел на Натку:

– Целоваться я, конечно, не стал: характер не позволяет. Ешьте, говорю, товарищи, на доброе здоровье. Да... Ну вот. О чем это я? Так ты не робей, Натка, тогда все, как надо, будет. – И, глядя мимо рассерженной Натки, Шегалов неторопливо поздоровался с проходившим мимо командиром.

Натка недоверчиво глянула на Шегалова. Что он: не понял или нарочно?

– Как не справляюсь? – с негодованием спросила она. – Кто тебе сказал? Это ты сам выдумал. Вот кто!

И, покрасневшая, уязвленная, она бросила ему целый десяток доказательств того, что она справляется. И справляет-

ся неплохо, справляется хорошо. И что на конкурсе на лучшую подготовку к летним лагерям они взяли по краю первое место. И что за это она получила вот эту самую путевку на отдых в лучший пионерский лагерь, в Крым.

— Эх, Натка! — пристыдил ее Шегалов. — Тебе бы радоваться, а ты... И посмотрю я на тебя... ну до чего же ты, Натка, на мою Маруську похожа!.. Тоже была летчик! — с грустной улыбкой закончил он и, звякнув шпорами, встал со стула, потому что ударил звонок и рупоры громко закричали о том, что на севастопольский № 2 посадка.

Через туннель они вышли на платформу.

— Поедешь назад — телеграфируй, — говорил ей на прощание Шегалов. — Будет время — приеду встречать, нет — так кого-нибудь пришлю. Погостишь два-три дня. Посмотришь Шурку. Ты ее теперь не узнаешь. Ну, до свиданья!

Он так любил Натку, потому что крепко она напоминала ему старшую дочь, погибшую на фронте в те дни, когда он носился со своим отрядом по границам пылающей Бессарабии.

Утром Натка пошла в вагон-ресторан. Там было пусто. Сидел рыжий иностранец и читал газету; двое военных играли в шахматы.

Натка попросила себе вареных яиц и чаю. Ожидая, пока чай остынет, она вынула из-за цветка позабытый кем-то журнал. Журнал оказался прошлогодним.

«Ну да... все старое: «Расстрел рабочей демонстрации в

Австрии», «Забастовка марсельских докеров». – Она перевернула страничку и прищурилась. – И вот это... Это тоже уже прошлое». Перед ней лежала фотография, обведенная черной траурной каемкой: это была румынская, вернее – молдавская, еврейка-комсомолка Марица Маргулис. Приговоренная к пяти годам каторги, она бежала, но через год была вновь схвачена и убита в суровых башнях кишиневской тюрьмы. Смуглое лицо с мягкими, не очень правильными чертами. Густые, немного растрепанные косы и глядящие в упор яркие, спокойные глаза.

Вот такой, вероятно, и стояла она; так, вероятно, и глядела она, когда привели ее для первого допроса к блестящим жандармским офицерам и следователям беспощадной сигуранцы.

...Марица Маргулис.

Натка закрыла журнал и положила его на прежнее место.

Погода менялась. Дул ветер, и с горизонта надвигались стремительные, тяжелые облака. Натка долго смотрела, как они сходятся, чернеют, потом движутся вместе и в то же время как бы скользят одно сквозь другое, упрямо сбираясь в грозовые тучи.

Близились непогода, и официанты поспешно задвигали тяжелые запылившиеся окна.

Поезд круто затормозил перед небольшой станцией. В вагон вошли еще двое: высокий, сероглазый, с крестообразным шрамом ниже левого виска, а с ним шестилетний белокурый

мальчуган, но с глазами темными и веселыми.

– Сюда, – сказал мальчуган, указывая на свободный столик.

Он проворно взобрался на стул и, стоя на коленях, подвинул к себе стеклянную вазу.

– Папа... – попросил он, указывая пальцем на большое красное яблоко.

– Хорошо, но потом, – ответил отец.

– Ладно, потом, – согласился мальчуган и, взяв яблоко, положил его рядом с тарелкой.

Человек достал папиросу.

– Алька, – попросил он, – я забыл спички. Пойди принеси.

– Где? – спросил мальчуган и быстро соскочил со стула.

– В купе, на столике, а если нет на столике, то в кармане, в пальто.

– То в кармане в пальто, – повторил мальчуган и направился к открытой двери вагона.

Человек в сером френче открыл газету, а Натка, которая с любопытством слушала весь этот короткий разговор, посмотрела на него искоса и неодобрительно.

Но вот за окном, подавая сигнал к отправлению, засвистел кондуктор.

Человек во френче отложил газету и быстро вышел. Вернулись они уже вдвоем.

– Ты зачем приходил? Я бы и сам принес, – спросил мальчуган, опять забираясь коленями на сиденье стула.

– Я это знаю, – ответил отец. – Но я вспомнил, что позабыл другую газету.

Поезд ускорил ход. С грохотом пролетел он через мост, и Натка загляделась на реку, на луга, по которым хлестал грозовой ливень. И вдруг Натка заметила, что мальчуган, спрашивая о чем-то у отца, указывает рукой в ее сторону. Отец, не оборачиваясь, кивнул головой.

Мальчуган, придерживаясь за спинки стульев, направился к ней и приветливо улыбнулся.

– Это моя книжка, – сказал он, указывая на торчавший из-за цветка журнал.

– Почему твоя? – спросила Натка.

– Потому что это я забыл. Ну, утром забыл, – объяснил он, подозревая, что Натка не хочет отдать ему книжку.

– Что же, возьми, если твоя, – ответила Натка, заметив, как заблестели его глаза и быстро сдвинулись едва заметные брови. – Тебя как зовут?

– Алька, – отчётливо произнес он и, схватив журнал, убежал к своему месту.

Еще раз Натка увидела их уже тогда, когда она сошла в Симферополе. Алька смотрел в распахнутое окно и что-то говорил отцу, указывая рукой на голубые вершины уже недалеких гор.

Поезд умчался дальше, на Севастополь, а Натка, вскинув сумку, зашагала в город, чтобы сегодня же с первой автомашиной уехать на берег этого совсем незнакомого ей моря.

В синих шароварах и майке, с полотенцем в руках, извилистыми тропками спускалась Натка Шегалова к пляжу.

Когда она вышла на платановую аллею, то встретила поднимающихся в гору ребят-новичков. Они шли с узелками, баульчиками и корзинками, веселые, запыленные и усталые. Они держали наспех подобранные круглые камешки и хрупкие раковины. Многие из них уже успели набить рты кислым придорожным виноградом.

– Здорово, ребята! Откуда? – спросила Натка, поравнявшись с этой шумной ватагой.

– Ленинградцы!.. Мурманцы!.. – охотно закричали ей в ответ.

– Машиной, – спросила Натка, – или с парохода?

– С парохода, с парохода! – точно обрадовавшись хорошему слову, дружно загалдели только что приплывшие ребята.

– Ну, идите, да идите не по аллее, а сверните влево, вверх по тропке, – тут ближе.

Когда Натка уже спустилась на горячие камни, к самому берегу, то увидела, что по дороге из Ялты во весь дух катит на велосипеде старший вожатый пионерского лагеря Алеша Николаев.

– Натка, – соскакивая с велосипеда, закричал он сверху, – уральцы приехали?

– Не видала, Алеша. Ленинградцев сейчас встретила да утром человек десять каких-то. Кажется, опять украинцы.

– Ну, значит, еще не приехали... Натка, – закричал он

опять, вскакивая в седло велосипеда, – выкупаешься, зайди ко мне или к Федору Михайловичу! Есть важное дело.

– Какое еще дело? – удивилась Натка, но Алеша махнул рукой и умчался под гору.

Море было тихое; вода светлая и теплая.

После всегда холодной и быстрой реки, в которой привыкла Натка купаться еще с детства, плыть по соленым спокойным волнам показалось ей до смешного легко. Она заплыла далеко. И теперь отсюда, с моря, эти кипарисовые парки, зеленые виноградники, кривые тропинки и широкие аллеи – весь этот лагерь, раскинувшийся у склона могучей горы, показался ей светлым и прекрасным.

На обратном пути она вспомнила, что ее просил зайти Алеша.

«Какие у него ко мне дела, да еще важные?» – подумала Натка и, свернув на крутую тропку, раздвигая ветви, направилась в ту сторону, где стоял штаб лагеря.

Вскоре она очутилась на полянке, возле низенькой будки с водопроводным краном. Ей захотелось пить. Вода была теплая и невкусная. Недавно неожиданно обмелел пополнявшийся горными ключами бассейн. В лагере встревожились, бросились разыскивать новые источники и наконец нашли небольшое чистое озеро, которое лежало в горах. Но работы подвигались что-то очень медленно.

Алешу Николаева Натка не застала. Ей сказали, что он только что ушел в гараж. Оказывается, у уральцев в двена-

дцати километрах от лагеря сломалась машина и они прислали гонцов просить о помощи.

Гонцы – это Толька Шестаков и Владик Дашевский – сидели тут же на скамейке, раскрасневшиеся и гордые.

Однако гордость эта не помешала Тольке набить по дороге карманы яблоками, а Владику – запустить огрызком в спину какому-то толстому, неповоротливому мальчугану.

Мальчуган этот долго и сердито ворочался и все никак не мог понять, от кого ему попало, потому что Толька и Владик сидели невозмутимые и спокойные.

– Ты откуда? Вас сколько приехало? – спросила Натка у неповоротливого и недогадливого паренька.

– Из-под Тамбова. Один я приехал, – басистым и застенчивым голосом ответил мальчуган. – Из колхоза я. Меня в премию послали.

– Как в премию? – не совсем поняла Натка.

– Баранкин мое фамилие. Семен Михайлов Баранкин, – охотно объяснил мальчуган. – А послали меня в премию за то, что я завод придумал.

– Какой завод?

– Походный, фильтровальный, – серьезно ответил Баранкин, и, недоверчиво посмотрев в ту сторону, где сидели смирные и лукавые гонцы, он добавил сердито: – И кто это в спину кидается? Тут и так вспотел, а еще кидаются.

Натка не успела расспросить Баранкина подробнее, потому что с крыльца ее окликнул высокий старик. Это и был

начальник лагеря, Федор Михайлович.

— Заходи, — сказал он, пропуская Натку в комнату. — Садись. Вот что, Ната, — начал он таким ласковым голосом, что Натка сразу встревожилась, — в верхнем санаторном отряде заболел вожатый Корчаганов, а помощница его Нина Карашвили порезала ногу о камень. Ну конечно, нарыв. А у нас, сама видишь, сейчас приемка, горячка; хорошо, ты так кстати подвернулась.

— Но я ничего не понимаю ни в приемке, ни в горячке, — испугалась Натка. — Я и сама тут, Федор Михайлович, третий день.

— Да тебе и понимать ничего не надо, — взмахнул длинными, костлявыми руками напористый старик. — Там есть и фельдшерица и сестры. Они сами примут. А твое дело что? Ты будешь вожатым. Ну, разобьешь по звеньям, наметишь звеньевых, выберете совет отряда. Да что тебе объяснять? Была же ты вожатым!

— Два года, — сердито ответила Натка. — А долго ли, Федор Михайлович, этот Корчаганов болеть будет? Он, может быть, еще недели две пролежит?

— Что ты, что ты! — отмахиваясь руками и качая головой, заговорил начальник. — Ну, пять, шесть дней. А там снова гуляй, сколько хочешь. Вот и хорошо, что быстро договорились. Я люблю, чтоб быстро. Ну, а теперь иди, иди. А то Нина одна совсем запуталась.

— Да сколько хоть человек в этом отряде? — унылым голо-

сом спросила Натка.

– Там узнаешь, иди, иди, – повторил старик, поднимаясь со скрипучего камышового стула. И, широко шагая к выходу, он добавил: – Вот и хорошо. Очень хорошо, что быстро договорились.

...Всех отрядов в лагере было пять. Три дня в верхнем са-наторном, куда неожиданно попала вожатой Натка, бушевала неумемная суета.

Только что прибыла последняя партия – среднево-лжцы и нижегородцы.

Девчата уже вымылись и разбежались по палатам, а мальчишки, грязные и запыленные, нетерпеливо толпились у дверей ванной комнаты.

В ванную они заходили партиями по шесть человек. Дорвавшись до воды, они визжали, барахтались, плескались и затыкали пальцами краны так, что вода била брызгами в широко распахнутое окно, из-под которого уже несколько раз доносился строгий голос копавшегося в цветочных грядках чернорабочего Гейки.

– Будет, будет вам баловаться! – хриплым басом кричал в окно босой длиннородый Гейка. – Вот погодите, сорву крапиву да через окно крапивой. И что за баловная нация!..

Пионерские регалии

Несколько раз забежал в ванную дежурный по отряду, веснушчатый пионер Иоська Розенцвейг, и, отчаянно картавя, кричал:

– Что за безобразие? Прекратите это безобразие!

И новенькие ребята, которые еще не знали, что сам-то Иоська всего только третий день в лагере, а озорник он еще больший, чем многие из них, затихали. Под грозные Иоськины окрики они смущенно выскакивали из воды и, кое-как вытершись, натягивали трусы.

Выбегали они из ванной стайками. Чистые, в синих трусах, в серых рубашках с резинкой, и, еще не успев подвязать красные галстуки, наперегонки неслись занять очередь к парикмахеру.

– Иоська! – окликнула Натка. – Вот что, дежурный. Всех, кто от парикмахера, направляй к фельдшеру – оспу прививать... А то как по площадке гоняться, то все тут, а как оспу прививать, то никого нет. Ну-ка, быстренько!

– Оспу! – выбегая на площадку, грозно кричал маленький и большеголовый Иоська. – Кто не прививал, вылетай живо!

– Нина! – окликнула Натка, увидав на террасе свою незадачливую помощницу, которая тихонько переступала, опираясь на бамбуковую палку. – Ты зачем ходишь? Ты сиди. Сколько у нас октябрят, Нина?

– Октябрят у нас десять человек, как раз звено. К ним звеньевым надо Розу Ковалеву. А как с черкесом Ингуловым? Он, Натка, ни слова по-русски.

– Ингулова, Нина, надо в то же звено, в котором казачок-кубанец.

– Лыбатько?

– Ну да, Лыбатько. Он немного говорит по-черкесски. А башкирку Эмине оставь пока у октябрят. Они хорошо друг друга понимают и без языка. Вот она как носится!

Из-за угла стремительно вылетел дежурный Иоська.

– Время к ужину! – запыхавшись, крикнул он, отдуваясь и подпрыгивая, как будто кто-то поймал его арканом за ногу.

– Подавай сигнал, – ответила Натка, – сейчас я приду.

«Надо Иоську в звеньевые выделить, – подумала Натка. – Маленький, смешной, а проворный парень».

В половине девятого умывались, чистили зубы. С целой пачкой градусников приходила заступившая на ночь дежурная сестра, и Натка отправлялась с коротким рапортом о делах минувшего дня к старшему вожатому всего лагеря. После этого она была свободна.

Вечер был жаркий, лунный, и с волейбольной площадки, где играли комсомольцы, долго раздавались крики, удары мяча и короткие судейские свистки.

Но Натка не пошла к площадке, а, поднявшись в гору, свернула по тропинке, к подножию одинокого утеса.

Незаметно зашла она далеко, устала и села на каменную глыбу под стволом раскидистого дуба.

Под обрывом чернело спокойное море. Где-то тархтела моторная лодка. Тут только Натка разглядела, что почти рядом с ней, под тенью кипарисов, притаившись у обрыва, под скалой, без света в окнах, стоит маленький, точно игрушечный, домик.

Чьи-то шаги послышались из-за поворота, и Натка подвинулась глубже в черную тень листвы, чтобы ее не заметили. Вышли двое. Луна осветила их лица. Но даже в самую черную ночь Натка узнала бы их по голосам. Это был тот высокий, белокурый, во френче, а рядом с ним, держась за руку, шагал маленький Алька.

Перед тем как подойти к дереву, в тени которого пряталась Натка, они, по-видимому, о чем-то поспорили и несколько шагов прошли молча.

— А как по-твоему, — останавливаясь, спросил высокий, — стоит ли нам, Алька, из-за таких пустяков ссориться?

— Не стоит, — согласился мальчуган и добавил сердито: — Папка, папка, ты бы меня хоть на руки взял. А то мы все идем да идем, а дома все нет и нет.

— Как нет? Вот мы и пришли! Ну, смотри — вот дом, а вот я уже и ключ вынул.

Они свернули к крыльцу, и вскоре в крайнем окошке, выходящем на море, вспыхнул свет.

«Они через Севастополь приехали, — догадалась Натка. — Что же они здесь делают?»

В комнате у дежурной сестры Натке сказали, что Толька Шестаков, подкравшись на четвереньках в палату к девчонкам, тихонько схватил башкирку Эмине за пятку, отчего эта башкирка ужасно заорала, да рыжеволосая толстушка Вострецова долго хохотала и мешала девчатам спать. А в общем, улеглись спокойно. Это порадовало Натку, и она пошла за угол в свою комнатку, которая была здесь же, рядом с палатами.

Ночь была душная. Ночью в море что-то гремело, но спала Натка крепко и к рассвету увидела хороший сон.

Проснулась Натка около семи. Завернувшись в простыню, она пошла под душ. Потом босиком вышла на широкую тер-

расу.

Далеко в море дымили уходящие к горизонту военные корабли. Отовсюду из-под густой непросохшей зелени доносилось звонкое щебетанье. Неподалеку от террасы чернорабочий Гейка колот дрова.

– Хорошо! – негромко крикнула Натка и рассмеялась, услышав откуда-то из-под скалы такой же, как и ее, вскрик – веселое, чистое эхо.

– Натка... ты что? – услышала она позади себя удивленный голос.

– Корабли, Нина... – не переставая улыбаться, ответила Натка, указывая рукой на далекий сверкающий горизонт.

– А ты слышала, Натка, как сегодня ночью они в море бахали? Я проснулась и слышу: у-ух! у-ух! Встала и пошла к палатам. Ничего, все спят. Один Владик Дашевский проснулся. Я ему говорю: «Спи». Он лег. Я – из палаты. А он шарах на террасу. Забрался на перила, ухватился руками за столб, и не оторвешь его. А в море огни, взрывы, прожекторы. Мне и самой-то интересно. Я ему говорю: «Иди, Владик, спать». И просила, и ругала, и обещала на линейке вызвать. А он стоит молчит, ухватился за столб и как каменный. Неужели ты ничего не слыхала?

– Нина, – помолчав, спросила Натка, – ты не встречала здесь таких двоих?... Один высокий, в сапогах и в сером френче, а с ним маленький, белокурый, темноглазый мальчуган.

– В сером френче... – повторила Нина. – Нет, Натка, в сером френче с мальчуганом не встречала. А кто это?

– Я и сама не знаю. Такой забавный мальчуган.

– Видела я человека во френче, – не сразу вспомнила Нина. – Только тот был без мальчугана и ехал верхом по тропке в горы. Конь у него был высокий, худой, а сапоги грязные.

– И большой шрам на лице, – подсказала Натка.

– Да, большой шрам на лице. Это кто, Натка? – спросила Нина и с любопытством посмотрела на подругу.

– Не знаю, Нина.

– Я встал, можно звонить подъем? – басистым голосом сообщил, выдвигаясь из-за двери, дежурный.

– Можно, – сказала Натка. – Звони. «Экий увалень!» – подумала она, глядя, как, размахивая короткими руками, Баранкин уверенно направился к колоколу.

Это и был тот самый пионер тамбовского колхоза Баранкин, которого послали «в премию» за то, что он во время весеннего сева организовал походный ремонтно-фильтровальный завод.

Все оборудование этого завода умещалось на ручной тележке и состояло из двух лоханей, одного решета, трех старых мешков, двух скребков и кучи тряпок. И, выезжая в поле за тракторами, этот ребячий завод фильтровал воду для моторов и во время стоянок очищал тракторы от грязи.

Баранкин подошел к колоколу, крепко зажал в кулак конец лохматой бечевки и ударил так здорово, что разом обер-

нувшиеся Нина и Натка закричали ему, чтобы он звонил потише.

Среди соснового парка, на песчаном бугре, ребята, разбившись кучками, расположились на отдых.

Занимался каждый чем хотел. Одни, собравшись возле Натки, слушали, что читала она им о жизни негров, другие что-то записывали или рисовали, третьи потихоньку играли в камешки, четвертые что-то строгаили, пятые просто ничего не делали, а, лежа на спине, считали шишки на соснах или потихоньку баловались.

Владик Дашевский и Толька Шестаков разместились очень удобно. Если они поворачивались на правый бок, было слышно то, что читала Натка про негров. Если на левый, им было слышно то, что читал Иоська про полярные путешествия ледокола «Малыгин». Если отползти немного назад, то можно было из-за куста, и очень незаметно, запустить в спину Кашину и Баранкину еловую шишку. И, наконец, если подвинуться немного вперед, можно было кончиком прута пощекотать пятки башкирки Эмине, которая бойко обставляла в камешки трех русских девочек и затесавшегося к ним октябренка Карасикова.

Так они и сделали. Послушали про негров и про ледокол. Бросили две шишки в спину Баранкину, но не решились провести Эмине прутом по пяткам, потому что заранее знали, что подпрыгнет она с таким визгом, как будто ее за ногухватила собака.

– Толька, – спросил Владик, – а ты слышал, как ночью сегодня бабахнуло? Я сплю, вдруг бабах... бабах... Как на фронте. Это корабли в море стреляли. У них маневры, что ли. А я, Толька, на фронте родился.

– Врать-то! – равнодушно ответил Толька. – Ты всегда что-нибудь да придумаешь.

– Ничего не врать, мне мама все рассказала. Они тогда возле Брест-Литовска жили. Ты знаешь, где в Польше Брест-Литовск? Нет? Ну, так я тебе потом на карте покажу. Когда пришли в двадцатом красные, этого мать не запомнила. Тихо пришли. А вот когда красные отступали, то очень хорошо запомнила. Грохот был или день, или два. И день и ночь грохот. Сестренку Юльку да бабу Юзефу мать в погреб спрятала. Свечка в погребе горит, а бабка все бормочет, молится. Как чуть стихнет, Юлька наверх вылезает. Как загрохочет, она опять нырк в погреб.

– А мать где? – спросил Толька. – Ты все рассказывай, по порядку.

– Я и так по порядку. А мать все наверху бегают: то хлеб принесет, то кринку молока достанет, то узлы завязывает. Вдруг к ночи стихло. Юлька сидит. Нет никого, тихо. Хотела она вылезти. Толкнулась, а крышка погреба заперта. Это мать куда-то ушла, а сверху ящик поставила, чтобы она никуда не вылезала. Потом хлопнула дверь – это мать. Открыла она погреб. Запыхалась, сама растрепанная. «Вылезайте», – говорит. Юлька вылезла, а бабка не хочет. Не вылазит. Наси-

ду уговорили ее. Входит отец с винтовкой. «Готовы? – спрашивает. – Ну, скорее». А бабка не идет и злобно на отца ругается.

– Чего же это она ругалась? – удивился Толька.

– Как отчего? Да оттого ругалась, зачем отец поляк, а с русскими красными уходит.

– Так и не пошла?

– И не пошла. Сама не идет и других не пускает. Отец как посадил ее в угол, так она и села. Вышли наши во двор да на телегу. А кругом все горит: деревня горит, костел горит... Это от снарядов. А дальше у матери все смешалось: как отступали, как их окружали, потому что тут на дороге я родился. Из-за меня наши от красных отбились и попали в плен к немцам, в Восточную Пруссию. Там мы четыре или пять лет и прожили.

– Отец-то почему с винтовкой приходил?

– А он, Толька, в народной милиции был. Когда в Польшу пришли красные, так у нас народная милиция появилась. Помещиков ловили и еще там разных... Как поймают, так и в ревком.

– Нельзя было отцу оставаться, – согласился Толька. – Могли бы, пожалуй, потом и повесить.

– Очень просто. У нас дедушка нигде не был, только в ревкоме рассыльным, и то год в тюрьме держали. А сестра у меня – ей уже сейчас двадцать восемь лет, – так она и теперь в тюрьме сидит. Сначала посадили ее – три года сидела. По-

том выпустили – три года на воле была. Теперь опять посадили. И уже четыре года сидит.

– Скоро опять выпустят?

– Нет, еще не скоро. Еще четыре года пройдет, тогда выпустят. Она в Мокотовской тюрьме сидит. Оттуда скоро не выпускают.

– Она коммунистка?

Владик молча кивнул головой, и оба притихли, обдумывая свой разговор и прислушиваясь к тому, что читала Натка о неграх.

– Толька! – тихо и оживленно заговорил вдруг Владик. – А что, если бы мы с тобой были ученые? Ну, химики, что ли. И придумали бы мы с тобой такую мазь или порошок, которым если натрешь, то никто тебя не видит. Я где-то такую книжку читал. Вот бы нам с тобой такой порошок!

– И я читал... Так ведь все это враки, Владик, – усмехнулся Толька.

– Ну и пусть враки! Ну, а если бы?

– А если бы? – заинтересовался Толька. – Ну, тогда мы с тобой уж что-нибудь придумали бы.

– Что там придумывать! Купили бы мы с тобой билеты до заграницы.

Оружие Гражданской войны

– Зачем же билеты? – удивился Толька. – Ведь нас бы и так никто не увидел.

– Чудак ты! – усмехнулся Владик. – Так мы бы сначала не натершись поехали. Что нам на советской стороне натираться? Доехали бы мы до границы, а там пошли бы в поле и натерлись. Потом перешли бы границу. Стоит жандарм – мы мимо, а он ничего не видит.

– Можно было бы подойти сзади да кулаком по башке стукнуть. – предложил Толька.

– Можно, – согласился Владик. – Он, поди-ка, тоже, как Баранкин, все оглядывался бы, оглядывался: откуда это ему попало?

– Вот уж нет, – возразил Толька. – В Баранкина это мы потихоньку, в шутку. А тут так дернули бы, что, пожалуй, и не завертишься. Ну ладно! А потом?

– А потом... потом поехали бы мы прямо к тюрьме. Убили бы одного часового, потом дальше... Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя...

– Что-то уж очень много убили бы, Владик! – поежившись, сказал Толька.

– А что их, собак, жалеть? – холодно ответил Владик. – Они наших жалеют? Недавно к отцу товарищ приехал. Так когда стал рассказывать отцу про то, что в тюрьмах делается, то меня мать на улицу из комнаты отослала. Тоже умная! А я взял потихоньку сел в саду под окошком и все до слова слышал. Ну вот, забрали бы мы у надзирателя ключи и отворили бы все камеры.

– И что бы мы сказали? – нетерпеливо спросил Толька.

– Ничего бы не сказали. Крикнули бы: «Бегите, кто куда хочет!»

– А они бы что подумали? Ведь мы же натертые, и нас не видно.

– А было бы им время раздумывать? Видят – камеры отперты, часовые побиты. Небось сразу бы догадались.

– То-то бы они обрадовались, Владик!

– Чудак! Просидишь четыре года да еще четыре года сидеть, конечно, обрадуешься... Ну, а потом... потом зашли бы мы в самую богатую кондитерскую и наелись бы там разных печений и пирожных. Я один раз в Москве четыре штуки съел. Это когда другая сестра, Юлька, замуж выходила.

– Нельзя наедаться, – серьезно поправил Толька. – Я в

этой книжке читал, что есть ничего нельзя, потому что пирожные – они ведь не натертые, их наешься, а они в животе просвечивать будут.

– А ведь и правда будут! – согласился Владик.

И оба они расхохотались.

– Сказки все это, – помолчав, сознался и сам Владик. – Все это сказки. Чепуха!

Он отвернулся, лег на спину и долго смотрел в небо, так что Тольке показалось, что он прислушивается к тому, что читает Натка.

Но Владик не слушал, а думал о чем-то другом.

– Сказки, – повторил он, поворачиваясь к Тольке. – А вот в Австрии есть коммунист один. Он раньше солдатом был. Потом стал коммунистом. Так этот и без всяких натираний невидимый.

– Как – невидимый? – насторожился Толька.

– А так. С тех пор как убежал он из тюрьмы, три года его полиция ищет и все никак найти не может. А он то здесь появится, то там, у нас. Во Львове он прямо открыто на собрании деповских рабочих выступил. Все так и ахнули. Пока полиция прибежала, а он уже полчаса проговорил.

– Ну, и что же полиция? Ну, и куда же он девался?

– А вот поди спроси – куда, – с гордостью ответил Владик. – Как только полиция в двери, вдруг хлоп... свет погас. А окон много, и все окна почему-то распахнуты. Кинулась полиция к механику, а механик кричит, ругается. «Идите, –

говорит, – к черту! У меня и без того беда: кажется, обмотка якоря перегорела».

– Так это он нарочно! – с восхищением воскликнул Толька.

– А вот поди-ка ты докажи, нарочно или не нарочно, – усмехнулся Владик и добавил уже снисходительно: – Рабочие прячут, оттого и невидимый. А ты что думал? Порошок, что ли?

Издалека донесся гул колокола – к обеду, и ребятишки, хватая подушки, простыни и полотенца, с визгом повскакали со своих мест.

После обеда полагалось ложиться отдыхать. Но в третьей палате плотники еще с утра пробивали новую дверь на террасу. Койки были вынесены, на полу валялись стружки и штукатурка, а плотники запаздывали.

Поэтому второму звену разрешено было отдыхать в парке.

Владик и Толька забрались в орешник. Толька вскоре задремал, но Владику не спалось. Он ждал сегодня важного письма, но почтальон к обеду почему-то не приехал. Владик вертелся с боку на бок и с завистью глядел на спокойно похрапывающего Тольку. Вскоре вертеться ему надоело, он приподнялся и подергал Тольку за ногу:

– Вставай, Толька! Чего спишь? Ночью выспишься.

Но Толька дрыгнул ногой и повернулся к Владику спиной. Владик рассердился и дернул Тольку за руку:

– Вставай... вставай, Толька! Кругом измена! Все в пле-

ну. Командир убит... Помощник контужен. Я ранен четырежды, ты трижды. Держи знамя! Бросай бомбы! Трах-та-бабах! Отобьемся!..

И, всучив ошалелому Тольке полотенце вместо знамени и старый сандалий вместо бомбы, Владик потащил товарища через кусты под горку.

– За такие дела можно и по шее... – начал было рассерженный Толька.

– Отбились! – торжественно заявил Владик. – За такие геройские дела представляю тебя к ордену. – И, сорвав колючий репейник, Владик прицепил его к Толькиной безрукавке. – Брось, Толька, дуться! Вон под горою какой-то дом. Вон за горою какая-то вышка. Вон там, в овраге, что-то стучит. Вон под ногами у нас кривая тропка. Что за дом? Что за вышка? Кто стучит? Куда тропка? Гайда, Толька! Все спят, никого нет, и мы всё разведаем.

Толька зевнул, улыбнулся и согласился.

Быстро, но осторожно, чтобы никому не попасться на глаза, они перебегали дорожки, ныряли в чащу кустарника, пролезали через колючие ограды, ползли вверх, спускались вниз, ничего не оставляя на своем пути незамеченным.

Так они наткнулись на ветхую беседку, возле которой стояла позеленевшая каменная статуя. Потом нашли глубокий заброшенный колодец. Затем попали в фруктовый сад, откуда мгновенно умчались, заслышав ворчание злой собаки.

Продравшись через колючие заросли дикой ажины, они

очутились на заднем дворе небольшой лагерной больницы.

Они осторожно заглянули в окно и в одной из палат увидели незнакомого мальчишку, который, скучая, лениво вертел красное яблоко.

Они легонько постучали в стекло и приветливо помахали мальчишке руками. Но мальчишка рассердился и показал им кулак. Они обиделись и показали целых четыре.

Тогда злорадный мальчишка неожиданно громко заорал, призывая няньку. Испуганные ребята разом перемахнули через ограду и помчались наугад по тропинке.

Вскоре они очутились высоко над берегом моря. Слева громоздились изрезанные ущельями горы. Справа, посреди густого дубняка и липы, торчали остатки невысокой крепости.

Ребята остановились. Было очень жарко.

Торжественно гремел из-за пыльного кустарника мощный хор невидимых цикад.

Внизу плескалось море. А кругом – ни души.

– Это древняя крепость, – объяснил Владик. – Давай, Толька, поищем, может быть, и наткнемся на что-нибудь старинное.

Искали они долго. Они нашли выцветшую папиросную коробку, жестяную консервную банку, стоптанный башмак и рыжий собачий хвост. Но ни старинных мечей, ни заржавленных доспехов, ни тяжелых цепей, ни человеческих костей им не попало.

Тогда, раздосадованные, они спустились вниз. Здесь, под стеной, меж колючей травы, они наткнулись на темное, пахнущее сыростью отверстие.

Они остановились, раздумывая, как быть. Но в это время издалека, от лагеря, похожий отсюда на комариный писк, раздался сигнал к подъему.

Надо было уходить, и они решили вернуться сюда еще раз, захватив бечевку, палку, свечку и спички.

Полдороги они пробежали молча. Потом устали и пошли рядом.

– Владик, – с любопытством спросил Толька, – вот ты всегда что-нибудь выдумываешь. А хотел бы ты быть настоящим старинным рыцарем? С мечом, со щитом, с орлом, в панцире?

– Нет, – ответил Владик. – Я хотел бы быть не старинным, со щитом и с орлом, а теперешним, со звездой и с маузером. Как, например, один человек.

– Как кто?

– Как Дзержинский. Ты знаешь, Толька, он тоже был поляк. У нас дома висит его портрет, и сестра под ним написала по-польски: «Милый рыцарь. Смелый друг всего пролетариата». А когда он умер, то сестра в тюрьме плакала и вечером на допросе плюнула в лицо какому-то жандармскому капитану.

Пароход с почтой запоздал, и поэтому толстый почтальон, тяжело пыхтя и опираясь на старую суковатую палку, под-

нялся в гору только к ужину.

Отмахиваясь от обступивших его ребят, он называл их по фамилиям, а тех, кого знал, то и просто по именам.

– Коля, – говорил он басом и тащил за рукав тихо стоявшего мальчугана, – ну-ка, брат, распишись. Да не лезьте под руки, озорной народ! Дайте человеку расписаться. Тебе, Мишаков, нет письма. Тебе, Баранкин, письмо. И кто это тебе такие толстые письма пишет?

– Это мне брат из колхоза пишет, – громко отвечал Баранкин, крепко напирая плечом и протискиваясь сквозь толпу ребят. – Это брат Василий. У меня два брата. Есть брат Григорий – тот в Красной Армии, в броневом отряде. А это брат Василий – он у нас в колхозе старшим конюхом. Григория взяли, а Василий уже отслужил. У нас три брата да три сестры. Две грамотные, а одна еще неграмотная, мала девка.

– А теток у тебя сколько?

– А корова у вас есть?

– А курицы есть? А коза есть? – закричали Баранкину сразу несколько человек.

– Теток у меня нет, – охотно отвечал Баранкин, протягивая руку за шершавым пакетом. – Корова у нас есть, свинью закололи, только поросенок остался. А коз у нас в деревне не держат. От козы нам пользы мало, только огороду потрава. И что смеетесь? – добродушно и удивленно обернулся он, услышав вокруг себя дружный смех. – Сами спрашивают, а сами смеются.

Когда уже большинство ребят разошлись, то подошел Владик Дашевский и спросил, нет ли письма ему. Письма не было. Он неожиданно погрозил пальцем почтальону, потом равнодушно засвистел и пошел прочь, сбивая хлыстиком верхушки придорожной травы.

Натка Шегалова получила заказное с Урала от подруги – от Веры.

Сразу после ужина весь санаторный отряд ушел с Ниной на нижнюю площадку, где затевались игры.

В просторных палатах и на широкой лужайке перед террасой стало по-необычному тихо и пусто.

Натка прошла к себе в комнату, распечатала письмо, из которого выпал потертый и почему-то пахнувший керосином фотоснимок.

Возле толстого, охваченного чугунными брусьями столба, опустившись на одно колено и оттягивая пряжки кривой железной «кошки», стояла Вера. Ее черная глухая спецовка была перетянута широким брезентовым поясом, а к металлическим кольцам пояса были пристегнуты молоток, плоскогубцы, кусачки и еще какие-то инструменты.

Было понятно и то, что Верка собирается забраться на столб и что она торопится, потому что неподалеку от нее смотрел на провода не то инженер, не то электротехник, а рядом с ним стоял кто-то маленький, черноволосый – вероятно, бригадир или десятник. И лицо у этого черноволосого было озабоченное и сердитое, как будто его только что

крепко выругали. День был солнечный. Вдалеке виднелись неясные громады незаконченных построек и ключья густого, черного дыма.

Письмо было короткое. Верка писала, что жива, здорова. Что практика скоро кончается. Что за работу по досрочному монтажу понижающей подстанции она получила премию. Что за короткое замыкание она получила выговор. А в общем все хорошо – устала, поздоровела и перед началом занятий обязательно заедет с Урала в Москву, и там хорошо бы с Наткой встретиться.

Натка задумалась. Она с любопытством посмотрела еще раз на черную пыльную спецовку, на тяжелые, толстые ботинки, на ту торопливую хватку, с которой пристегивала Верка железные десятифунтовые «кошки», и с досадой отодвинула фотоснимок, потому что она завидовала Верке.

Неожиданно обе половины оконной занавески раздвинулись и оттуда высунулась круглая голова Баранкина.

– Баранкин, – удивилась и рассердилась Натка, – ты почему не на площадке? Ребята играют, а ты что?

– Это не игра, – убежденно произнес Баранкин, наваливаясь грудью на подоконник. – Ну, завязали мне ноги в мешок, – беги, говорят. Я шагнул и – бац на землю. Шагнул – и опять бац. А они смеются. Потом положили в ложку сырое яйцо, дали в руки и опять – беги! Конечно, яйцо хлоп и разбилось. Разве же это игра? У нас в колхозе за такую игру и хворостиной недолго. – Он укоризненно посмотрел на Нат-

ку и добродушно добавил: – Я тут буду. Никуда не денусь. А лучше пойду помогу Гейке дрова пилить.

Круглая голова Баранкина скрылась.

Но через минуту раскрасневшееся лицо его опять просунулось в комнату.

– Забыл, – спокойно сказал он, увидав недовольное лицо Натки. – Проходил мимо площадки, где комсомольцы в мяч играют. Остановили и наказывают: беги шибче, и если Шегалова свободна, пусть скорее идет. Совсем забыл, – повторил он и, неловко улыбнувшись, почему-то вспомнил: – У нас в колхозе как-то ночью амбар подожгли. Брата не было. Кинулся я в сарай лошадь запрягать – темно. А череседельник с гвоздя как соскочит да мне прямо по башке. Так всю память и отшибло. Насилу я во двор вылез. А амбар горит, горит...

– Баранкин, – спросила Натка, положив руку на его крепкое плечо, – у тебя мать есть?

– Есть. Александрой зовут, – охотно и обрадованно ответил Баранкин. – Александра Тимофеевна. Она у нас в колхозе скотницей. Всю эту весну пролежала. Теперь ничего... поздоровела. Бык ее в грудь боднул. У нас хороший бык, породистый. В Моршанске прошлую зиму колхоз за шестьсот рублей купил... Иду, иду! – крикнул Баранкин, оборачиваясь на чей-то далекий хриплый окрик. – Это Гейка зовет, – объяснил он. – Мы с ним дружки.

...Когда Натка спускалась к площадке, солнце уже скры-

валось за морем. Бесшумно заскользили серые вечерние стрижи. Задымили сторожевые костры на виноградниках. Зажглись зеленые огни створного маяка. Ночь надвигалась быстро, но игра была в самом разгаре.

«Хорошие свечки дает Картузик», – подумала Натка, глядя на то, как тугой мяч гулко взвился к небу, повис на мгновение над острыми вершинами старых кипарисов и по той же прямой плавно рванулся к земле. Натка подпрыгнула, пробуя, крепко ли затянуты сандалии, поправила косынку и, уже не спуская глаз с мяча, подбежала к сетке и стала на пустое место, слева от Картузика.

– Пасовать, – вполголоса строго сказал ей Картузик.

– Есть пасовать, – также вполголоса ответила она и сильным ударом послала мяч далеко за сетку.

– Пасовать, – повторил Картузик. – Спокойней, Натка.

Но вот он, крученный, хитрый мяч, метнулся сразу на третью линию. Отбитый косым ударом, мяч взвился прямо над головой отпрыгнувшего Картузика.

– Дай! – вскрикнула Натка Картузику.

– Возьми! – ответил Картузик.

– Режь! – вскрикнула Натка, подавая ему невысокую свечку.

– Есть! – ответил он и с яростью ударил по мячу вниз.

Знак ворошиловского стрелка

– Один – ноль, – объявил судья и, засвистев, предупре-

дил: – Шегалова и Картузик, не переговариваться, а то запишу штрафное очко.

Натка рассмеялась. Невозмутимый Картузик улыбнулся, и они хитро и понимающе переглянулись.

– Шегалова, – крикнул ей кто-то из ребят, – тебя Алеша Николаев зачем-то ищет!

– Еще что! – отмахнулась Натка. – Что ему ночью надо? Там Нина осталась.

Темнота сгущалась. На счете «один – ноль» догорела заря. На «восемь – пять» зажглись звезды. А когда судья объявил сэт-бол, то из-за гор вылезла такая ослепительно яркая луна, что хоть опять начинай всю игру сначала.

– Сэт-бол! – крикнул судья, и почти тотчас же черный мяч взвился высоко над серединой сетки.

«Дай!» – глазами попросила Натка у Картузика.

«Возьми!» – ответил он молчаливым кивком головы.

«Режь!» – зажмуривая глаза, вздрогнула Натка и еще в темную услышала глухой удар и звонкий свисток судьи.

– Шегалова и Картузик, не переговариваться! – добродушно сказал судья. Но уже не в виде замечания, а как бы предупреждая.

Возвращаясь домой, Натка встретила Гейку; он волок за собой под гору целую кучу гремящих и подпрыгивающих жердей. Узнав Натку, он остановился.

– Федор Михайлович спрашивал, – угрюмо сообщил он Натке. – Меня посылали искать, да я не нашел. Не знаю, за-

чем-то шибко ему понадобились.

«Что-нибудь случилось?» – с тревогой подумала Натка и круто свернула с дороги влево. Маленькие камешки с шорохом посыпались из-под ее ног. Быстро перепрыгивая от куста к кусту, по ступенчатой тропинке она спустилась на лужайку.

Все было тихо и спокойно. Она постояла, раздумывая, стоит ли идти в штаб лагеря или нет, и, решив, что все равно уже поздно и все спят, тихонько прошла в коридор.

Прежде чем зайти к дежурной и узнать, в чем дело, она зашла к себе, чтобы вытряхнуть из сандалий набившиеся туда острые камешки. Не зажигая огня, она села на кровать. Одна из пряжек что-то не расстегивалась, и Натка потянулась к выключателю. Но вдруг она вздрогнула и притихла: ей показалось, что в комнате она не одна.

Не решаясь пошевелиться, Натка прислушалась и теперь, уже ясно расслышав чье-то дыхание, поняла, что в комнате кто-то спрятан. Она тихонько повернула выключатель.

Вспыхнул свет.

Она увидела, что у противоположной стены стоит небольшая железная кровать, а в ней крепко и спокойно спит все тот же и знакомый и незнакомый ей мальчуган. Все тот же белокурый и темноглазый Алька.

Все это было очень неожиданно, а главное – совсем непонятно.

Свет ударил спящему Альке в лицо, и он заворочался. На-

тка сдернула синий платок и накинула его поверх абажура.

Зашуршала дверь, и в комнату просунулось сонное лицо дежурной сестры.

– Ольга Тимофеевна, – полушепотом спросила Натка, – кто это? Почему это?

– Это Алька, – равнодушно ответила дежурная. – Тебя весь вечер искали, искали. Тебе на столе записка.

Записка была от Алешки Николаева.

«Натка! – писал Алеша. – Это Алька, сын инженера Ганина, который работает сейчас по водопроводке у Верхнего озера. Сегодня случилась беда: перерезали подземный ключ, и вода затопляет выемки. Сам инженер уехал к озеру. Ты не сердись – мы поставили пока кровать к тебе, а завтра что-нибудь придумаем».

Возле кровати стояла белая табуретка. На ней лежали синие трусики, голубая безрукавка, круглый камешек, картонная коробочка и цветная картинка, изображавшая одинокого всадника, мчавшегося под ослепительно яркой пятиконечной звездой.

Натка открыла коробочку, и оттуда выпрыгнули к ней на колени два серых кузнечика.

Натка тихонько рассмеялась и потушила свет. На Алешу Николаева она не сердилась.

Не доезжая до верхних барачков у новой плотины, инженер свернул ко второму участку. Еще издали он увидел в беспорядке выкинутые на берег тачки, мотыги и лопаты. Оче-

видно, вода застала работавших врасплох.

Инженер соскочил с коня. Мутная жижа уже больше чем на полтора метра залила выемку. В воде торчал невыдержанный разметочный кол и спокойно плавали две деревянные лопаты.

Инженер понял, что, поднявшись еще на полметра, вода пойдет назад, заливая соседнюю впадину, а когда вода поднимется еще на метр, перельется через гребень и, круто свернув направо, затопит и сорвет первый участок, на котором шли работы по прокладке деревянных желобов.

– Плохо, Сергей Алексеевич! – закричал старший десятник Дягилев, спускаясь с горы впереди двух подвод, которые, с треском ломая кустарник, волокли доски и бревна.

– Когда прорвало? – спросил инженер. – Шалимов где?

– Разве же с таким народом работать можно, Сергей Алексеевич? С таким народом только из пустого в порожнее переливать. Прорвало часов в девять. Шалимовская бригада работала... Как рвануло это снизу, им бы сейчас же брезент тащить да камнями заваливать, а они – туды, сюды, меня искать... Пока то да се, пока меня разыскивали, а ее – дыру-то – чуть ли не в сажень разворотило.

– Шалимов где?

– Сейчас придет. В своей деревне рабочих собирает.

Всю ночь стучали топоры, полыхали костры и трещали смоляные факелы. К рассвету сколотили плот и целых три часа сбрасывали рогожные кули со щебнем в то место, отку-

да била прорвавшаяся вода. И, когда наконец, сбросив последнюю руду балласта, забили подводную дыру, мокрый, забрызганный грязью инженер вытер раскрасневшееся лицо и сошел на берег.

Но едва только он опустился на колени, доставая из костра горящий уголек, как на берегу раздались шум, крики и ругань. Он вскочил и отшвырнул нераскуренную папиросу.

Вырываясь со дна, гораздо правее, чем в первый раз, вода хлопотала и пенилась, как в кипящем котле. Закупоренную родниковую жилу прорвало в другом месте и, по-видимому, прорвало еще сильнее, чем прежде.

Мимо обозленных землекопов инженер подошел к Дягилеву и Шалимову. Он повел их по краю лощины к тому месту, где лощина была перегорожена невысокой, но толстой каменистой грядой.

– Вот! – сказал он. – Поставим сюда тридцать человек. Ройте поперек, и мы спустим воду по скату.

– Грунт-то какой, Сергей Алексеевич! – возразил Дягилев, переглядываясь с Шалимовым. – Хорошо, если сначала от силы метров сорок за сутки возьмем, а дальше, сами видите, голый камень.

– Ройте, – повторил инженер. – Ройте посменно, без перерыва. А дальше взорвем динамитом.

– Нет у нас динамита, Сергей Алексеевич, напрасно только людей замотаем.

– Ройте, – отвязывая повод застоявшегося коня, повторил

инженер. – Надо достать, а то пропала вся наша работа.

Спустившись в лагерь и не заходя к Альке, инженер пошел к телефону и долго, настойчиво вызывал Севастополь. Наконец он дозвонился, но из Взрывсельпрома ему ответили, что без наряда от Москвы динамита ему не могут отпустить ни килограмма.

Выехав на шоссейную дорогу, инженер повернул направо и по-над берегом моря рысью поскакал к мысу, где среди скалистого парка высились красивые белые здания. Это было прежде богатое поместье, а теперь шеф пионерского лагеря, дом отдыха ЦИК и Совнаркома – Ай-Су.

Соскочив у высокой узорной решетки, он зашел в дежурку и спросил, есть ли среди отдыхающих товарищи Самарин или Гитаевич. Ему ответили, что Самарин еще с утра уехал в Ялту и вернется только к вечеру, а Гитаевич здесь.

Инженер взял пропуск и, похлопывая плетью о голенище грязного сапога, пошел к виднеющемуся в глубине аллеи просвету.

Гитаевича он встретил у лесенки, ведущей к морю. Это был черноволосый с проседью человек в больших круглых очках, с широкой черной бородой.

– Здравствуйте! – громко сказал инженер, прикладывая руку к козырьку.

Гитаевич с удивлением посмотрел на этого внезапно возникшего человека в грязных сапогах и в запачканном глиною френче.

– Ба!.. Ба!.. Сергей! – улыбаясь, заговорил он резким, каркающим голосом. – Откуда? И в каком виде – сапоги, френч... нагайка! Что ты, прямо из разведки в штаб полка?

– Дело, товарищ Гитаевич, – сказал Сергей, сжимая протянутую руку. – Спешное дело.

– Уволь, уволь, – заговорил Гитаевич, усаживаясь на скамейку. – Газет не читаю, телеграмм не распечатываю. О чем хочешь? Старину вспомним... дивизию, Бессарабию. Так поговорим – это с большим удовольствием, а от дела избавь. У меня здесь ни чина, ни должности, ни обязанностей. Лежу на солнышке да вот, видишь, стихи читаю.

– Дело, товарищ Гитаевич, – упрямо повторил Сергей. – Если бы не важное, то и не просил бы.

– Палицын где?.. Матусевич? И этот... как его? Ну, со шрамом на щеке... Ах ты! Да как же его, этого, что со шрамом? – как бы не расслышав Сергея, продолжал Гитаевич.

– Много со шрамами было, товарищ Гитаевич. Я и сам со шрамом, – продолжал Сергей. – Мне динамит нужен. Взрывсельпром не дает. Говорит, Москву запрашивать надо. А если вы напишете, то даст. Ваш дом отдыха – наш шеф. Вы отдыхаете, значит, вы тоже шеф.

– Какой динамит? Какие шефы? – с раздражением и беспокойством переспросил Гитаевич. – И откуда ты на мою голову свалился? Я выкупался, иду, читаю стихи, а он вдруг: дело... динамит... шефы... Ну, что у тебя такое? Наверное, какая-нибудь ерунда?

– Дело ерундовое, – согласился Сергей и рассказал все, что ему было нужно.

Окончилось тем, что Гитаевич поморщился, взял проткнутую ему бумагу, карандаш, что-то написал и передал Сергею.

– Возьми, – грубовато сказал он. – От тебя не отстанешь.

– Ваша школа, товарищ Гитаевич, – ответил Сергей и, спрятав бумагу, добавил: – Знавал я на Украине одного комиссара дивизии, которого однажды командующий на гауптвахту посадил. Иначе, говорит, этот не отстанет.

Прищулив под дымчатыми стеклами узкие строгие глаза, Гитаевич взглянул искоса и насмешливо, как бы подбадривая Сергея: ну, дескать, продолжай, продолжай. Но Сергей теперь и сам неспроста посматривал на Гитаевича и молча доставал из портсигара папиросу.

– Так посадил, говоришь? – неожиданно веселым, но все тем же каркающим голосом спросил Гитаевич, и, взяв Сергея за руку, он дружески хлопнул его по плечу. – Давно это было, Сергей, – уже тише добавил он.

– Давно, товарищ Гитаевич.

– Так ты теперь не в армии?

– Инженер. Командир запаса.

– Почему же, Сережа, ты инженер? Я что-то не припоминаю, чтобы у тебя какие-нибудь инженерские задатки были... Постой, куда же ты? – спросил Гитаевич, увидав, что Сергей поднимается и застегивает полевую сумку. – Да, у те-

бя динамит. Ну, когда выберешь свободное время, заходи. Только заходи без всякого дела. Пойдем к морю, выкупаемся, поговорим. Ты один? – глядя в лицо Сергея и почему-то тише и ласковей спросил Гитаевич.

– Один. То есть нас двое – я и Алька, – ответил Сергей. – Двое, я и сын, – повторил он и замолчал.

– Ну, до свиданья, – сказал Гитаевич, который, по-видимому, что-то хотел сказать или о чем-то спросить, но раздумал – не сказал и не спросил, а только крепче, чем обычно, пожал протянутую ему руку.

Чтобы сократить путь к озеру, Сергей взял наперерез через тропку, но, еще не доезжая до перевала, он вспомнил, что позабыл заехать в лагерь и заказать машину на Севастополь. Досадуя на свою оплошность и опасаясь, как бы машину не угнали в другое место, он остановил усталого коня.

Тропинка была глухая, заросшая травой и засыпанная мелкими камнями. Неподалеку торчали остатки маленькой старинной крепости с развалившейся башенкой, на обломках которой густо разросся низкорослый кудрявый кустарник. Конь насторожил уши – на тропку из-за кустов выскочили два мальчугана. Один из них держал палку, к концу которой была привязана обыкновенная стеариновая свеча, а другой тащил большой клубок тонкой бечевки.

Столкнувшись с незнакомым человеком, оба они смутились.

– Из лагеря? – спросил Сергей. – А ну-ка, подите сюда!

– Из лагеря, – хмуро и неохотно ответил тот, который был повыше, стараясь спрятать за спину палку со свечой. – Мы гуляли.

– Вот что, – сказал Сергей. – Вы потом погуляете, а сейчас я вам дам записку. Тащите ее во весь дух к начальнику лагеря и скажите: пусть через час приготовит мне машину на Севастополь.

Пока он писал, оба мальчугана переглянулись, и старший успокоенно кивнул младшему.

Догадавшись, что встретившийся человек ни в чем плохом их не подозревает, они охотно приняли записку и поспешно скрылись в кустарнике.

В горах на месте катастрофы вода разлилась широко. Над низовым кустарником, пронзительно чирикаая, носились встревоженные пичужки. Сухие травы, стебли, рыжая пухлая пена – все это плавало и кружилось на поверхности мутной воды.

– Много вынули? – спросил Сергей у бригадира Шалимова, который ругался по-татарски с маленьким сухощавым землекопом.

– А не мерил еще, – медленно выговаривая русские слова, ответил Шалимов. – Кубометров десять, должно быть, вынули.

– Мало, – сказал Сергей. – Плохо работаешь, Шалимов.

– Грунт тяжелый, – равнодушно ответил Шалимов, – не земля, а камень.

– Ну, камень! До камня еще далеко. Смотри, Шалимов, беда будет. Зальет второй участок, и оставим мы ребят без воды.

– Как можно без воды? – согласился Шалимов. – Пить нету, обед варить нету, ванну делать нету, цветы поливать нету. Как можно без воды? – разведя руками, закончил он и невозмутимо сел на камень, собираясь вступить в длинный и благодушный разговор.

– Плохо, Сергей Алексеевич! – крикнул запыхавшийся десятник Дягилев. – Вы посмотрите на выемку – так и рвет со дна, так и рвет! И откуда такая силища? Это не ключ, а сама подземная речка.

– Видел, – ответил Сергей. – До утра продержимся.

– Ой ли продержимся, Сергей Алексеевич?

– Надо продержаться.

Сергей приказал: как только обнажится каменная гряда, поставить бурить скважины, а землекопов перебросить рыть канаву к другой небольшой впадине, которая могла оттянуть воду и задержать перелив еще на три-четыре часа.

– Дягилев, – сказал он напоследок, – я вернусь ночью, к рассвету. Ты отвечаешь. Да не ругайтесь вы с Шалимовым, а работайте. Как не приду, или Шалимов на тебя жалуется, или ты на Шалимова. С рабочими за прошлую десятидневку рассчитались?

– Давно уже, Сергей Алексеевич. Это еще по старой ведомости, до вашего приезда, прежним техником подписана

была.

— Вы потом покажите мне все эти ведомости, — сказал Сергей. — Я поехал.

Возле Ялты хлынул грозовой ливень. Это задержало машину на два часа: шофер был вынужден уменьшить скорость, потому что на крутых поворотах скользкой дороги машину сильно заносило. В Севастополь они прибыли только в восемь вечера. Понадобились долгие телефонные звонки, понадобилось вмешательство секретаря райкома и даже коменданта города для того, чтобы получить пропуск и открыть уже запечатанные склады Взрывсельпрома.

И, когда небольшой, но тяжелый ящик был осторожно погружен на машину, стрелка часов уже подходила к половине одиннадцатого.

Пионерский галстук

Луна сквозь сплошные черные тучи не обозначалась даже слабым просветом. Скрылись очертания горных вершин. Растворились в темноте рощи, сады, поля, виноградники, и только полоса широкого ровного шоссе, как бы расплавленного ослепительным светом автомобильных фар, сверкала влажной желтоватой белизной.

– Ну, давай! – подбадривающе сказал Сергей, усаживаясь рядом с шофером. – Ночь темная, а дорога длинная.

Только теперь, сидя на кожаных подушках вздрагивающего автомобиля, Сергей почувствовал, что он сильно устал.

Запахнув плащ и крепче надвинув фуражку, он закрыл глаза. И так в полусне, только по собачьему лаю да по кудахтавшую распуганных кур угадывая пронсящие мимо поселки и деревушки, сидел он долго и молча.

Ра-а! Ра-а-а!.. – звонко и тревожно гудел сигнал, и машину плавно покачивало на бесчисленных крутых поворотах.

Дорога забирала в горы.

И эта непроницаемая, беззвездная тьма, и этот свежий и влажный ветер, приглушенный собачий лай, запах сена и спелого винограда напомнили Сергею что-то радостное, но очень молодое и очень далекое.

И вот почему-то пылал костер. Тихо звеня уздечками, тут же рядом ворочались разномастные кони.

Ра-а-а!.. – звонко гудела машина, взлетая в гору все круче и круче.

...Темные кони, вороные и каурые, были невидимы, но один, белогривый, маленький и смешной Пегашка, вскинув короткую морду, поднял длинные уши, настороженно прислушиваясь к неразгаданному шуму.

– Это мой конь! – сказал Сергей, поднимаясь от костра и тренькая звонкими шпорами.

– Да, – согласился начальник заставы, – это худая, недобитая скотина – твой конь. Но что это шумит впереди на дороге?

– Хорошо! Посмотрим! – гневно крикнул Сергей и вскочил на Пегашку, который сразу же оказался самым лучшим

конем в этой разбитой, но смелой армии.

– Плохо! – крикнул ему вдогонку умный, осторожный начальник заставы. – Это тревога, это белые.

И тотчас же погас костер, лязгнули расхваченные винтовки, а изменник Каплаухов тайно разорвал партийный билет.

– Это беженцы! – крикнул возвратившийся Сергей. – Это не белые, а просто беженцы. Их много, целый табор.

И тогда всем стало так радостно и смешно, что, наскоро расстреляв проклятого Каплаухова, вздули они яркие костры и весело пили чай, угощая хлебом беженских мальчишек и девочек, которые смотрели на них огромными доверчивыми глазами.

– Это мой конь! – гордо сказал Сергей, показывая ребятишкам на маленького белогривого Пегашку. – Это очень хороший конь.

Но глупые ребятишки не понимали и молча жадно грызли черный хлеб.

– Это хороший конь! – гневно и нетерпеливо повторил Сергей и посмотрел на глупых ребятишек недобрыми глазами.

– Хороший конь, – слегка картавя, звонко повторила по-русски худенькая, стройная девчонка, вздрагивавшая под рваной и яркой шалью. – И конь хороший, и сам ты хороший.

Ра-а-а!.. – заревела машина, и Сергей решил: «Стоп! Довольно. Теперь пора просыпаться».

Но глаза не открывались.

«Довольно!» – с тревогой подумал он, потому что хороший сон уже круто и упрямо сворачивал туда, где было темно, тревожно и опасно.

Но тут его крепко качнуло, машина остановилась, и шофер громко сказал:

– Есть! Закурим. Это Байдары.

– Байдары... – машинально повторил Сергей и открыл глаза.

Машина стояла на самой высокой точке перевала. Запутавшиеся в горах тучи остались позади. Далеко под ногами в кипарисовой черноте спало все южное побережье. Кругом было тихо и спокойно. Сон прошел. Они закурили и быстро помчались вперед, потому что было уже далеко за полночь.

Проснувшись, Натка увидела Альку.

Алька стоял, открыв коробку, и удивлялся тому, что она пуста.

– Это ты открыла или они сами повылазили? – спросил Алька, показывая на коробку.

– Это я нечаянно, – созналась Натка. – Я открыла и даже испугалась.

– Они не кусаются, – успокоил ее Алька. – Они только прыгают. И ты очень испугалась?

– Очень испугалась, – к великому удовольствию Альки подтвердила Натка и потащила его в умывальную комнату.

– Алька, – спросила Натка, когда, умывшись, вышли они на террасу, – скажи мне, пожалуйста, что ты за человек?

— Человек? — удивленно переспросил Алька. — Ну, просто человек. Я да папа. — И, серьезно поглядев на нее, он спросил: — А ты что за человек? Я тебя узнаю. Это ты с нами в вагоне ехала.

— Алька, — спросила Натка, — почему это ты да папа? А почему ваша мама не приехала?

— Мамы нет, — ответил Алька.

И Натка пожалела о том, что задала этот неосторожный вопрос.

— Мамы нет, — повторил Алька, и Натке показалось, что, подозревая ее в чем-то, он посмотрел на нее недоверчиво и почти враждебно.

— Алька, — быстро сказала Натка, поднимая его на руки и показывая на море, — посмотри, какой быстрый, большой корабль.

— Это сторожевое судно, — ответил Алька. — Я его видел еще вчера.

— Почему сторожевое? Может быть, обыкновенное?

— Это сторожевое. Ты не спорь. Так мне папа сказал, а он лучше тебя знает.

В этот день готовились к первому лагерному костру, и Натка повела Альку к октябрятам.

На лужайке босой пионер Василиук, забравшись на спину согнувшегося Баранкина, учил легонькую и ловкую башкирку Эмине вспрыгивать на плечи с развернутым красным флагом.

– Ты не так прыгаешь, Эмка, – терпеливо повторял Василий. – Ты когда прыгнешь, то стой спокойно, а не дрыгай ногами. Ты дрыгнешь – я колыхнусь, и полетим мы с тобой прямо Баранкину на голову. Эх, ты! Ну, и как мне с тобой сговориться? – огорчился он, увидав, что Эмине не понимает его. – Ну, ладно, беги. Потом Юлай придет, он уж тебе по-вашему объяснит.

Эмине спрыгнула и, заметив Альку, остановилась и с любопытством разглядывала этого маленького, незнакомого ей человека.

– Пионер? – смело спросила она, указывая на его красный галстук.

– Пионер, – ответил Алька и протянул ей цветную картинку с мчавшимся всадником. – Это белый, – хитро прищуриваясь и указывая пальцем на всадника, попробовал обмануть ее Алька. – Это белый. Это царь.

– Это красный, – еще хитрее улыбнувшись, ответила Эмине. – Это Буденный.

– Это белый, – настойчиво повторил Алька, указывая на саблю. – Вот сабля.

– Это красный, – твердо повторила Эмине, указывая на серую папаху. – Вот звезда!

И, рассмеявшись, оба очень довольные, что хорошо поняли друг друга, они вприпрыжку понеслись к кустам, откуда доносилось нестройное пение октябрат.

Проводив Альку к октябратам, Натка повернула к сосно-

вой роще и натолкнулась на звеньевого третьего звена Иоську. В одной руке Иоська тащил что-то длинное, свернутое в трубочку, а в другой – маленький, крепко завязанный узелок.

– Ты откуда? Куда?

– В клуб бегал, – быстро и неохотно ответил Иоська, подпрыгивая и увертливо пряча узелок за спину. – В клуб за плакатами. Мы сейчас рассказ будем читать о танках.

– Иоська, – удивилась Натка, – почему же это о танках, когда у тебя сегодня по плану не танки, а памятка пионеру-автородовцу?

– Памятка потом. Мы сегодня с купанья шли – глядим, четыре танка ползут. Интересно! Я скорей в библиотеку. Давай, думаю, сегодня, пока интересно, будем читать о танках.

– Ну ладно, Иоська. Это хорошо. А что это ты в узелке за спиной прячешь?

– Это? Это орехи, – с отчаянием заговорил Иоська, еще нетерпеливей подпрыгивая и отскакивая от Натки. – Это я такую игру придумал. Мне инструктор написал семь вопросов о танках. Ну вот, кто угадает, а кто не угадает...

– Да ты хоть скажи, откуда орехи-то взял?

Но тут увертливый Иоська подпрыгнул так высоко, как будто бы камни очень сильно прижгли ему голые пятки, и, замотав головой, не дожидаясь расспросов, он юркнул в кусты.

Из-за подготовки к костру перепутались и разорвались

все звенья. Певцы ушли в хоровой кружок, гимнасты – на спортивную площадку, танцоры – в клуб. И, пользуясь этой веселой суматохой, никем не замеченные, двое ребят скрылись потихоньку из лагеря.

Добравшись по глухой тропке до развалин маленькой крепости, они вытащили клубок тонкой бечевы и огарок стеариновой свечи. Раздвигая заросли густой душистой полыни, они пробрались к небольшой черной дыре у подножия дряхлой башенки.

Ярко жгло полуденное солнце, и от этого пахнувшее сыростью отверстие казалось еще более черным и загадочным.

– А что, если у нас бечевы не хватит, тогда как? – спросил Владик, привязывая свечку к концу длинной палки. – А что, если вдруг под ногами обрыв? Я, знаешь, Толька, где-то читал такое, что вот идешь... идешь подземным ходом, вдруг – бац, и летишь ты в пропасть. А внизу, в этой пропасти, разные гадюки... змеи...

– Какие еще змеи? – переспросил Толька, поглядывая на сырую черную дыру. – И что ты, Владик, всегда какую-нибудь ерунду придумываешь? То тебе порошком натереться, то тебе змеи. Ты лучше бы свечку покрепче привязал, а то слетит свечка, вот тебе и будут змеи.

– А что, Толька, – обматывая свечку, задумчиво продолжал Владик, – а что, если мы спустимся, вдруг обвалится башня и останемся мы с тобой запертыми в подземных ходах? Я где-то тоже такое читал. Сначала они свечи поели,

потом башмаки, потом ремни, а потом, кажется, и друг друга сожрали. Очень интересная книга.

– И что ты, Владик, всегда какую-то ерунду читаешь? – совсем уже унылым голосом спросил Толька и опять покоился на черную дыру.

– Лезем! – оборвал его Владик. – Мало ли что я говорю! Это я тебя, дурака, дразню.

Он зажег свечу и осторожно спустил ноги на покатый каменный вход. Толька, держа в руках клубок с разматывающейся бечевой, полез вслед за ним.

Потихоньку ощупывая каждый камешек, они прошли метров пять. Здесь ход круто сворачивал направо. Оглянувшись еще раз на просвет, они решительно повернули вправо. Но, к своему разочарованию, они очутились в небольшом затхлом подвальчике, заваленном мусором и щебнем. Никакого подземного хода не было.

– Тоже, крепость! – рассердился Толька. – А все, Владик, ты. Полезем да полезем. Ну, вот тебе и полезли. Идем лучше назад, а то я ногой в какую-то дрянь наступил.

Они выбрались из погребца и, цепляясь за уступы, залезли на поросшую кустами башенку. Отсюда было видно море – огромное и пустынное.

Опустившись на траву, ребята притихли и, шурясь от солнца, лежали долго и молча.

– Толька! – спросил вдруг Владик, и, как всегда, когда он придумывал что-нибудь интересное, глаза его заблесте-

ли. – А что, Толька, если бы налетели аэропланы, надвинулись танки, орудия, собрались бы белые со всего света и разбили бы они Красную Армию, и поставили бы они все по-старому? Мы бы с тобой тогда как?

– Еще что! – равнодушно ответил Толька, который уже привык к странным фантазиям своего товарища.

– И разбили бы они Красную Армию, – упрямо и дерзко продолжал Владик, – перевешали бы коммунистов, перекидали б в тюрьмы комсомольцев, разогнали бы всех пионеров, тогда бы мы с тобой как?

– Еще что! – уже с раздражением повторил Толька, потому что даже он, привыкший к выдумкам Владика, нашел эти слова очень уж оскорбительными и невероятными. – Так бы наши им и поддались! Ты знаешь, какая у нас Красная Армия? У нас советская... На весь мир. У нас у самих танки. Глупый ты, дурак. И сам ты все знаешь, а сам нарочно спрашивает, спрашивает...

Толька покраснел и, презрительно фыркнув, отвернулся от Владика.

– Ну и пусть глупый! Пусть знаю, – спокойнее продолжал Владик. – Ну, а если бы? Тогда бы мы с тобой как?

– Тогда бы и придумали, – вздохнул Толька.

– Что там придумывать? – быстро заговорил Владик. – Ушли бы мы с тобой в горы, в леса. Собрали бы отряд, и всю жизнь, до самой смерти, нападали бы мы на белых и не изменили, не сдались бы никогда. Никогда! – повторил он,

прищуривая блестящие серые глаза.

Это становилось интересным. Толька приподнялся на локтях и повернулся к Владику.

– Так бы всю жизнь одни и прожили в лесах? – спросил он, подвигаясь поближе.

– Зачем одни? Иногда бы мы с тобой переодевались и пробирались потихоньку в город за приказами. Потом к рабочим. Ведь всех рабочих они все равно не перевешают. Кто же тогда работать будет – сами буржуи, что ли? Потом во время восстания бросились бы все мы к городу, грохнули бы бомбами в полицию, в белогвардейский штаб, в ворота тюрьмы, во дворцы к генералам, к губернаторам. Смелее, товарищи! Пусть грохает.

– Что-то уж очень много грохает! – усомнился Толька. – Так, пожалуй, и все дома закачаются.

– Пусть качаются, – ответил Владик. – Так им и надо.

– Тише, Владик! – зашипел вдруг Толька и стиснул локоть товарища. – Смотри, Владик, кто это?

Из-за кустов вышел незнакомый чернобородый человек. В руках он держал что-то продолговатое, завернутое в бумагу. По-видимому, он очень торопился. Оглядываясь по сторонам, он постоял некоторое время не двигаясь, потом уверенно раздвинул кустарники и исчез в черной дыре, из которой еще только совсем недавно выбрались ребяташки.

Не позже чем через пять-шесть минут он вылез обратно и поспешно скрылся в кустах.

Озадаченные ребята молча переглянулись, потихоньку соскользнули вниз и, осторожно пригибаясь, выскочили на тропку.

Пионерский значок

Здесь-то и встретили они возвращающегося от Гитаевича Сергея, который и приказал им передать записку начальнику лагеря.

...— Ты знаешь, где мой папа? — спросил Алька, перед тем как лечь спать. — У него случилась какая-то беда. Он сел на коня и уехал в горы.

Алька подумал, повертелся под одеялом и неожиданно спросил:

— А у тебя, Натка, случалась когда-нибудь беда?

— Нет, не случалась, — не совсем уверенно ответила Натка. — А у тебя, Алька?

— У меня? — Алька запнулся. — А у меня, Натка, очень, очень большая случилась. Только я тебе про нее не сейчас расскажу.

«У него умерла мать», — почему-то подумала Натка, и, чтобы он не вспоминал об этом, она села на край кровати и рассказала ему смешную историю о толстой кошке, которую обманул хитрый заяц.

— Спи, Алька, — сказала Натка, закончив рассказ. — Уже поздно.

Но Альке что-то не спалось.

— Ну, расскажи мне сам что-нибудь, — попросила Натка. — Расскажи какую-нибудь историю.

— Я не знаю истории, — подумав, ответил Алька. — Я знаю одну сказку. Очень хорошая сказка. Только это не такая...

не про кошек и не про зайцев. Это военная, смелая сказка.

– Расскажи мне, Алька, смелую, военную сказку, – попросила Натка, и, потушив свет, она подсела к нему поближе.

Тогда, усевшись на подушку, Алька рассказал ей сказку про гордого Мальчиша-Кибальчиша, про измену, про твердое слово и про неразгаданную Военную Тайну.

Потом он уснул, но Натка долго еще ворочалась, обдумывая эту странную Алькину сказку.

Было уже очень поздно, когда далекий, но сильный гул ворвался в открытое настежь окно, как будто бы ударили в море залпом могучие, тяжелые батареи.

Натка вздрогнула, но тут же вспомнила, что еще с вечера всех вожатых предупредили, что если ночью в горах будут взрывы, то пусть не пугаются – это так надо.

Она быстро прошла в палату.

Однако набегавшиеся за день ребята продолжали крепко спать, и только трое или четверо подняли головы, испуганно прислушиваясь к непонятному грохоту. Успокоив их, Натка пошла к себе. Распахнув дверь, она увидела, что, ухватившись за спинку кровати, Алька стоит на подушке и смотрит широко открытыми, но еще сонными глазами.

– Что это? – спросил он тревожным полусшепотом.

– Спи, Алька, спи! – быстро ответила Натка, укладывая его в постель. – Это ничего... Это твой папа поправляет беду.

– А, папа... – уже закрывая глаза, с улыбкой повторил Алька и почти тотчас же заснул.

...Ребята-октябрюта были самым дружным народом в отряде. Держались они всегда стайкой: петь так петь, играть так играть. Даже реву задавали они и то не поодиночке, а сразу целым хором, как это было на днях, когда их не взяли на экскурсию в горы.

К полудню Натка увела их на поляну, к сосновой роще, потому что звеньевой октябрют Роза Ковалева была в тот день помощником дежурного по лагерю.

Едва только Натка опустила на траву, как октябрюта с криком бросились занимать места поближе и быстро раскинулись вокруг нее веселой босоногой звёздочкой.

– Расскажи, Натка!

– Почитай, Натка!

– Покажи картинки!

– Спой, Натка! – на все голоса закричали октябрюта, протягивая ей книжки, картинки и даже неизвестно для чего подсовывали прорванный барабан и сломанное чучело полинялой бесхвостой птицы.

– Расскажи, Натка, интересное, – попросил обиженно октябрюнок Карасиков. – А то вчера Роза обещала рассказать интересное, а сама рассказала, как мыть руки да чистить зубы. Разве же это интересное?

– Расскажи, Натка, сказку, – попросила синеглазая девчурка и виновато улыбнулась.

– Сказку? – задумалась Натка. – Я что-то не знаю сказок. Или нет... я расскажу вам Алькину сказку. Можно? – спро-

сила она у насторожившегося Альки.

– Можно, – позволил Алька, горделиво посматривая на притихших октябрят.

– Я расскажу Алькину сказку своими словами. А если я что-нибудь позабыла или скажу не так, то пусть он меня поправит. Ну вот, слушайте!

...В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш.

В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишневых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш, по прозванию Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает – сено косит. Брат работает – сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай – хорошая жизнь!

Вот однажды – дело к вечеру – вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он – небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные Горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то

гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришел.

– Что ты! – говорит он Мальчишу. – Это дальние грозы гремят за Черными Горами. Это пастухи дымят кострами за Синей Рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушел Мальчиш. Лег спать. Но не спится ему – ну никак не засыпается. Вдруг слышит он на улице топот, у окон – стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь – вороной, сабля – светлая, папаха – серая, а звезда – красная.

– Эй, вставайте! – крикнул всадник. – Пришла беда откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова краснозвездный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

– Что же, – говорит старшему сыну, – я рожь густо сеял – видно, убирать тебе много придется. Что же, – говорит Мальчишу, – я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе Мальчиш, придется.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушел. А

много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было, как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров...

— Так я говорю, Алька? — спросила Натка, оглядывая при- тихших ребят.

— Так... так, Натка, — тихо ответил Алька и положил свою руку на ее загорелое плечо.

— Ну вот... День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лег он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка — стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же всадник. Только конь худой да усталый, только сабля по- гнутая, темная, только папаха простреленная, звезда разруб- ленная, а голова повязанная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Было полбеда, а те- перь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

— Прощай, Мальчиш... Остаешься ты один... Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах... Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, что скачет издалека незнакомый всадник...

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

– Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все сигнальные трубы. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамена. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принес напиться. Напился гонец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лег Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу – ну какой тут сон?

Вдруг слышит он на улице шаги, у окошка – шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же человек. Тот да не тот: и коня нет – пропал конь, и сабли нет – сломалась сабля, и папахы нет – слетела папаха, да и сам-то стоит – шатается.

– Эй, вставайте! – закричал он в последний раз. – И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться.

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают ставни, не скрипят ворота – некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли – никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит.

Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал...

– Так я говорю, Алька? – спросила Натка, чтобы перевести дух, и оглянулась.

Уже не одни октябрята слушали эту Алькину сказку.

Кто его знает когда, подползло бесшумно все пионерское Иоськино звено. И даже башкирка Эмине, которая только едва понимала по-русски, сидела задумавшаяся и серьезная. Даже озорной Владик, который лежал поодаль, делая вид, что он не слушает, на самом деле слушал, потому что лежал тихо, ни с кем не разговаривая и никого не задевая.

– Так, Натка, так... Еще лучше, чем так, – ответил Алька, подвигаясь к ней еще ближе.

– Ну вот... Сел на завалинку старый дед, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

– Эй же вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтобы буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут

они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего он не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные бомбы, белые снаряды да желтые патроны. «Эге, – подумал Плохиш, – вот это мне и нужно».

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

– Ну что, буржуины, добились вы победы?

– Нет, Главный Буржуин, – отвечают буржуины, – мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, и закричал он грозным голосом:

– Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сде-

лать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

— Радуйте! — кричит он им. — Это все я, Плохиш, сделал. Я дров нарубил, я сена наташил, и зажег я все ящики с черными бомбами, с белыми снарядами да с желтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

Вдруг как взорвались зажженные ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

— Измена! — крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

— Измена! — крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и скрутила и схватила она Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать?

Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

— Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

– Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

Пионерский барабан

– Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, а все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

– Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем Высоком Буржуинстве, и в другом – Равнинном Королевстве, и в третьем – Снежном Царстве, и в четвертом – Знойном

Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамена несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

– Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета?

И пусть он расскажет секрет.

– Нет ли у наших рабочих чужой помощи?

И пусть он расскажет, откуда помощь.

– Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумываются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

– Нет, Главный Буржуй, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

– Есть, – говорит он, – и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни напали не будет вам победы.

– Есть, – говорит, – и неисчислимая помощь, и, сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, все равно не перекидаете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

– Есть, – говорит, – и глубокие тайные ходы. Но, сколько бы вы не искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

– Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро. Идут и головами покачивают.

– Нет, – говорят они, – начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?..

– Это не по тайным... это Красная Армия скачет! – восторженно крикнул не вытерпевший октябренек Карасиков.

И он так воинственно взмахнул рукой с воображаемой саблей, что та самая девчонка, которая еще недавно, подсакивая на одной ноге, безбоязненно дразнила его «Карасик-ругасик», недовольно взглянула на него и на всякий случай отодвинулась подальше. Тут Натка оборвала рассказ, потому что издали раздался сигнал к обеду.

– Досказывай, – повелительно произнес Алька, сердито заглядывая ей в лицо.

– Досказывай, – убедительно произнес раскрасневшийся

Иоська. — Мы за это быстро построятся.

Натка оглянулась. Никто из ребятшек не поднимался. Она увидела много-много ребячьих голов — белокурых, темных, каштановых, золотоволосых. Отовсюду на нее смотрели глаза — большие, карие, как у Альки, ясные, васильковые, как у той синеглазой, что попросила сказку, узкие, черные, как у Эмине, и много-много других глаз — обыкновенно веселых и озорных, а сейчас задумчивых и серьезных.

— Хорошо, ребята, я доскажу.

...И стало нам страшно, Главный Буржуин, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая погибель?

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамена, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

— И погиб Мальчиш-Кибальчиш... — произнесла Натка.

При этих неожиданных словах лицо у октябренька Карасикова сделалось вдруг печальным, растерянным, и он уже не махал рукой. Синеглазая девчурка нахмурилась, а веснушчатое лицо Иоськи стало злым, как будто его только что об-

манули или обидели. Ребята заворочались, зашептались, и только Алька, который знал уже эту сказку, один сидел спокойно.

– Но... видели ли вы, ребята, бурю? – громко спросила Натка, оглядывая приумолкших ребят. – Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей Реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы – привет Мальчишу!

Пролетают летчики – привет Мальчишу!

Пробегают паровозы – привет Мальчишу!

А пройдут пионеры – салют Мальчишу!

Вот вам, ребята, и вся сказка.

...Рано утром, когда большая вода уже схлынула, к Сергею подбежал десятник Дягилев. Он запыхался и оттолкнул старика татарина, который тихо и бестолково жаловался Сергею на то, что его обсчитали.

– Нет, вы подумайте! Ну и народ! Головы им рвать надо... Где Шалимов? Скажите, Сергей Алексеевич, чтобы этого черта Шалимова сейчас же сюда позвали.

– Зачем черта? Зачем ругаешься? – раздался из-за кустов равнодушный голос Шалимова. – Ты дело говори, а то кричит-пищит, как петух под лисицей. Ну, на что тебе нужен Шалимов?

– Ночью замок сорвали, – плачущим голосом объяснил Дягилев. – Начисто. Вместе с пробоем. Ружье украли, двустволку. Шкатулка запертая стояла. В ней шестьдесят рублей казенных денег, документы, ведомости, расписки. Что же это такое, Сергей Алексеевич? – недоуменно разводя руками, спросил Дягилев.

И, обернувшись к кучке насторожившихся татар, он погрозил кулаком.

– Зачем кулаком махаешь? – все так же невозмутимо переспросил Шалимов. – Воры есть русские, воры есть татары. Всякие есть воры. Зачем, пустой человек, зря кулаком махать?

Шалимов сердито вздернул брови и укоризненно добавил:

– Вон татары землю копают, а вон твой русский идет, водки напился. Разве хороший человек с утра напивается?

И точно, подошел вдрызг пьяный дядек и, неуклюже погрозив Шалимову, бессмысленно рассмеялся.

– Спать, спать иди! – ловко выпирая пьяного, прикрикнул смутившийся Дягилев. – И что за народ! Что за народ! – скороговоркой закончил он и беспомощно махнул рукой.

Сергей приказал рыть к скату метровую канаву и рубить крепежные стойки. Он обернулся, отыскивая того старика, который жаловался, что его обсчитали, но старика уже нигде не было. Тогда вместе с Дягилевым он пошел вниз, к дощатому барaku, где помещалась десятниковская конторка.

Рассерженный Дягилев ругал теперь и русских, и татар, и всех, кого попало.

– Как хотите, Сергей Алексеевич, а работать я, право, не согласен. Пусть Шалимов остается. Мотаешься, мотаешься... Всюду ругань, всем не так. А тут еще вон что!

Ни дягилевской двустволки, ни шестидесяти рублей Сергею не было жалко, но он крепко досадовал, что вместе с денежной шкатулкой пропали ведомости и документы.

Он приказал заявить в милицию, а сам, протирая сонные глаза, вышел из барака.

По пути на первый участок Сергей опять увидел все того же пьяного. Пьяный этот стоял, прислонившись к выступу, и нескладно пел про субботу и про день ненастный, когда нельзя в поле работать. Сергей хотел подойти и спросить, что

за беда и почему человек напился спозаранку. Но пьяный тут же свалился под кусты и заснул.

На первом участке работа шла своим чередом. Здесь молодой вихрастый бригадир огорченно рассказывал, что сто восемьдесят метров желоба уже проложено и что было бы больше, да, опасаясь прорыва воды, всю ночь они перетаскивали материалы в гору.

Сергей пообещал прислать от Дягилева пару лошадей и десяток чернорабочих.

Выбравшись на берег под горячее солнце, Сергей почувствовал, что ему крепко хочется спать, но надо было еще повидать Альку. Из-за Альки он взял этот отпуск. Из-за Альки он согласился проследить за работами по прокладке водопровода. И все-таки с Алькой приходилось встречаться ему редко. Сама работа была пустяковая. Но все что-то не ладилось. Например, совсем недавно, перед его приездом, пропало сорок лопат. И вовсе уж бестолково вынули двести кубометров земли не оттуда, откуда было надо.

Сергей наскоро выкупался, вымыл грязные сапоги, одернул помятый френч и пошел к лагерю.

За обедом звеньевой Иоська спросил у Владика, почему тот вчера не был ни на спортивном кружке, ни на отрядной площадке.

Насторожившийся Владик открыл рот, чтобы сразу соврать, будто бы он работал в мастерской. Но тут, как назло, раздавая мороженое, подошел дежурный по столу пио-

нер Башкатов, а при нем нельзя было соврать, потому что он сам вчера в мастерской был за старшего.

Чтобы замять разговор, Владик быстро повернулся и как бы нечаянно опрокинул Иоськину вазочку с мороженым. Но это вышло неловко, и всем было видно, что опрокинул Владик нарочно.

– Хулиган! – рассердился Иоська и быстро схватил из рук Башкатова то мороженое, которое Башкатов протягивал Владику.

Все рассмеялись, а Владик рванул вазочку, и мороженое плюхнулось в салатник.

Поднялся шум, чуть не драка, а кончилось тем, что подошел дежурный по лагерю и Владика с позором выставили из-за стола.

Обозленный Владик показал Иоське кулак и тотчас же ушел прочь.

Сразу же после обеда Натка отправилась к берегу, в штаб. Там на сегодня был назначен совет вожатых – готовились к общелагерному костру третьей смены, который был назначен на послезавтра.

Во время перерыва Алеша Николаев спросил:

– Что это, Шегалова, ребята сегодня все время гудят, спорят... Сказка, сказка... Я что-то ничего не понял. Про что ты им рассказывала?

– Сказку, Алеша, рассказывала. Хорошая сказка.

– Отчего вздумалось тебе рассказывать сказку? Ну, рас-

сказала бы что-нибудь про настоящее. Вот, например, читала ты, опять пионер предотвратил железнодорожное крушение? Взяла бы и рассказала.

– Рассказала уже, – рассмеявшись, ответила Натка. – Ну, говорят, шел, ну, увидел, что у рельсы гайка развинтилась, ну, побежал и сказал сторожу. Это что! Так и каждый из нас обязательно сделал бы. А ты вот послушай... «Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же теперь Главный Буржуин прикажет с пленным Мальчишем делать?»

– Черт тебя знает, что ты городишь, Натка! – перебил ее Алёша. – Какой Главный Буржуин? Кого заковали?

Легендарная будёновка

– Мальчиша заковали! – настойчиво повторила Натка. И тотчас же успокоила: – А про крушение я еще раз обязательно расскажу. Сама знаю... транспорт, грузопотоки... Первый год, что ли? – И, неожиданно улыбнувшись, она повторила: –

«Плывут пароходы – привет Мальчишу! Бегут паровозы – привет Мальчишу!» Это тебе что! Не транспорт, что ли? А пройдут, Алеша, пионеры – салют Мальчишу! Эх ты... гайка! – рассмеявшись, закончила Натка, и, схватив Алешу за руку, она потащила его на крыльцо, мимо которого шумно волокли на площадку новый огромный плакат.

...После совещания Натка вспомнила, что еще не готова к празднику костюмы для отрядных танцорок. На складе она выбрала охапку ярких лоскутьев, связку разноцветных лент и сверток глянцевой бумаги. Чтобы не возвращаться круговой дорогой, она прошла напрямик. Но вышло не совсем ладно. Кустарник вскоре сомкнулся так плотно, что Натке приходилось поминутно останавливаться, а бесчисленные случайные тропки петляли и разбегались совсем не туда, куда было надо.

Вдруг что-то больно царапнуло пониже колена. Натка охнула и увидела что это колючая проволока.

– Я вас, бездельники! Я вот вас хворостиной! – раздался грозный голос.

Кусты за изгородью раздвинулись, и перед Наткой оказался распоясанный, босоногий Гейка.

Увидев нагруженную поклажей Натку, Гейка сконфузился и, насупившись, объяснил:

– Сторож в баню пошел, а ребяташки в сад лазят. Груши еще вовсе зеленые, твердые – кабан не раскусит. Все равно лезут. Вечор двоих ваших поймал. «Стыдно, – говорю. – Вас

голоштаных, и пирожными кормят и мороженым. Всякие вам повара, доктора, а вы вон что». По-настоящему надо бы их крапивой, да вижу – скраснели. Такие негодники! Отобрал я у них зеленые груши, дал по спелому яблоку. Все одно стоят и молчат. «Ладно, – говорю им, – бегите. Эх вы... босоногая диктатура!»

Гейка улыбнулся. Он показал Натке дорогу, постоял, глядя ей вслед, и, все еще продолжая чему-то улыбаться, с шумом исчез за кустами.

Натка взобралась на бугор, нырнула в орешник и, услышав голоса, раздвинула ветви. Перед ней оказалась небольшая обрывистая поляна, и здесь, не дальше чем в десяти шагах, лежали Сергей и Алька.

Конечно, надо было незаметно отойти, но, как назло, концы цветных лоскутьев запутались в колючках, и теперь Натка стояла, боясь шелохнуться, чтобы не заметили и не подумали, будто она прячется нарочно.

– Папка, – предложил Алька, – знаешь, давай споем нашу любимую песню. То ты уедешь, то ты приедешь, а мы не поем да не поем.

– Спой лучше один, Алька. Я ночью на работе сто раз кричал, ругался, и у меня горло охрипло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.